

18+

Роман Платонов

Крестовый поход

Книга первая
Орден смерти

Роман Платонов

**Крестовый поход. Книга
первая. Орден смерти**

«Издательские решения»

Платонов Р.

Крестовый поход. Книга первая. Орден смерти / Р. Платонов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-680425-8

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Византийская империя, лишившаяся половины
земель под натиском турок, отчаянно ищет спасения. На императорском
совете звучит дерзкий план: обратиться за помощью к главному духовному
противнику — Папе Римскому. Многие при дворе в ужасе: это всё равно,
что призвать дьявола для борьбы с демонами. Юный переводчик Ричард, чьё
происхождение окутано тайной, берётся осуществить эту миссию. Что движет
им — простая верность императору или нечто большее? И кому он служит на
самом деле?

ISBN 978-5-00-680425-8

© Платонов Р.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1: Решение Господа!	8
Глава 2: Пророки нового Исхода!	12
Глава 3! Тень Манцикерта!	17
Глава 4: Земля обетованная!	20
Глава 5: Двойной агент	22
Глава 6: Тайны ордена Асасинов	28
Глава 7: Крестовый поход бедняков	32
Глава 8: Главные герои похода	38
Глава 9: Присяга императору	44
Глава 10: Тени в камерке	49
Глава 11: Врата Аламута	52
Глава 12: План греков	55
Глава 13: Мосты сожжены	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Крестовый поход Книга первая. Орден смерти

Роман Платонов

© Роман Платонов, 2025

ISBN 978-5-0068-0425-8 (т. 1)

ISBN 978-5-0068-0426-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Крестовые походы – и особенно Первый – стали одним из величайших событий Средневековья. Это не просто поход за Святой землёй, но столкновение миров, где сплетаются вера, жажда власти и человеческие слабости.

Эта книга написана для тех, кто хочет увидеть историю такой, какой она была на самом деле – не сухие хроники и скучные даты, а живые картины: битвы и интриги в шатрах, страдания простых людей и амбиции вельмож.

Это рассказ о них. О тех, кто шёл под знаком креста, неся в сердце и веру, и грех. О тех, кто любил до самозабвения – и предавал без раздумий. Кто молился со слезами на глазах – и убивал с именем Христа на устах.

На этих страницах вас ждут ключевые фигуры той эпохи: проницательный император Алексей Комнин, благородный граф Раймунд Тулузский, яростный и неукротимый князь Боэмунд Тарентский, амбициозный Балдуин Булонский и многие другие. Рядом с ними шагают и герои, рождённые воображением автора, чьи судьбы переплелись с судьбами великих.

Если вам по душе атмосфера «Игры престолов» – со всем её средневековым лоском, турнирами, кровавыми интригами, предательствами и внезапными поворотами судьбы, то эта книга для вас. Здесь нет неприкосновенных героев: рыцари и князья, нищие и знатные одинаково идут навстречу испытаниям, где вера переплетается с алчностью, а честь – с предательством.

Перед вами первая книга цикла – «Орден смерти». Пусть она станет вашим путеводителем сквозь огонь и кровь первого крестового похода.

Основано на реальных событиях...

Содержание

- Глава 1. Решение Господа
- Глава 2. Пророки нового Исхода
- Глава 3. Тень Манцикерта
- Глава 4. Земля обетованная
- Глава 5. Двойной агент
- Глава 6. Тайны ордена Асасинов
- Глава 7. Крестовый поход бедняков
- Глава 8. Главные герои похода
- Глава 9. Присяга императору
- Глава 10. Тени в каморке
- Глава 11. Врата Аламута
- Глава 12. План греков
- Глава 13. Мосты сожжены
- Глава 14. Честь превыше жизни
- Глава 15. Зов крови
- Глава 16. Яма смерти
- Глава 17. Подготовка к осаде
- Глава 18. Битва за Никею
- Глава 19. Начало осады
- Глава 20. Триумф византийцев
- Глава 21. Поединок
- Глава 22. Новый Заговор

- Глава 23. Засада для Авангарда
- Глава 24. Перелом битвы
- Глава 25. Тайны дома Булонских
- Глава 26. Триумф Танкреда
- Глава 27. Балдуин против Танкреда
- Глава 28. Подведение итогов
- Глава 29. Похождение Балдуина. Часть 1
- Глава 30. Осада Антиохии
- Глава 31. Похождение Балдуина. Часть 2
- Глава 32. Заговор против Магистра
- Глава 33. Внезапное нападение
- Глава 34. Похождения Балдуина. Часть 3
- Глава 35. Взятие Антиохии
- Глава 36. Трофей Раймунда
- Глава 37. В тени кипарисов
- Глава 38. Балдуин в осаде
- Глава 39. Чудо
- Глава 40. Печать смерти
- Глава 41. Избавление
- Глава 42. Армагедон Танкреда
- Глава 43. Исповедь Боэмунда
- Глава 44. Раскол в норманском стане
- Глава 45. Прощание с Антиохией

Глава 1: Решение Господа!

1095 год от Рождества Христова

Величественный дворец в Константинополе был охвачен тревогой. Император Алексей Комнин собрал своих советников, чтобы обсудить грозящие Византии опасности. Империя находилась под двойной угрозой: с востока давили турецкие войска, а с запада тень Боэмунда Тарентского с его неугасимой жадной властью нависала над Ромейской державой.

Среди приближённых императора находился Ричард Уайтард – молодой и проницательный человек, выполнявший обязанности переводчика и посланника при дворе. Его чёрные глаза горели решимостью. Он был потомком знатной нортумбрийской семьи, изгнанной из Англии после нормандского завоевания. Его отец, Альфред, погиб два года назад во время паломничества в Святую землю. С тех пор Ричард лелеял в сердце ненависть к туркам и всему мусульманскому миру, что не ускользнуло от взгляда императора.

– Ваше Величество, моя семья всегда служила вам верой и правдой. Сейчас я готов предложить вам план, который поможет империи одержать победу над врагами, – произнёс Ричард.

Алексий внимательно посмотрел на юношу и уже хотел что-то сказать, но его опередил брат императора Исаак, носивший титул севастократора, что означало «почётный соправитель». Он усмехнулся:

– Опять этот юный сакс с горящими глазами. Надеюсь, сегодня он не предложит женить Боэмунда на нашей Феодоре?

В зале засмеялись, но Ричард, игнорируя насмешки, продолжил:

– Ваше Величество. Турки взяли Никею. Через месяц их конница будет у стен Константинополя. Но я знаю, что их остановит!

– И что же? – с интересом спросил император. Отец Ричарда был одним из его близких друзей. И Алексей испытывал отцовские чувства к сыну своего погибшего друга.

Ричард бросил взгляд к окну, за которым виднелись огни города.

– Ваши союзники предают. Ваши наёмники воруют. Но я знаю армию, что пойдёт на смерть бесплатно... если предложить им царство не только земное, но и Небесное!

После этих слов Исаак вскочил:

– Опять он про своего Папу! Латиняне сожгут нас раньше, чем доберутся до Иерусалима!

– Ты хочешь, чтобы западные графы и их армии пришли воевать за нас? – вмешался кесарь и зять императора Никифор Вриений. Многие придворные усмехнулись, вспоминая, как часто латиняне превращались из союзников во врагов Византии.

Ричард тоже слегка улыбнулся, но, дождавшись тишины, продолжил:

– Господь не раз избавлял свой народ, стравливая его врагов друг с другом. И праведники, выйдя из города, вместо грозного войска, видели лишь трупы осаждающих, гниющих на солнце.

Наступила тишина. Кесарь строго взглянул на Ричарда:

– Ты намекаешь, что мы плохо молимся, раз Господь не избавил нас от варваров?

– Напротив, достопочтенный кесарь, – возразил Ричард, – наш государь благочестив, и Господь всегда дарует ему победу. И, возможно, мой совет – это как раз средство для новой великой победы.

Император нахмурился:

– Каков же твой совет?

Ричард внимательно оглядел присутствующих:

– Мы попросим их Папу убедить латинян в том, что истинные враги их веры – сарацины, а несметные сокровища ждут их не в Константинополе, а в Святой земле!

В зале вновь раздалась смешки. Логофет секретов Михаил усмехнулся:

– Что ж, убедить их в этом будет нетрудно – у сарацин куда больше золота, чем у нас.
– И ты надеешься, что Урбан поможет нам из-за его склок с германцами? – задумчиво спросил император.

Ричард кивнул:

– Именно, Государь! Папа Урбан сейчас в сложном положении, ему нужны союзники и деньги. Если мы поддержим его, он объявит Священную войну против всех мусульман в союзе с нами!

Севастократор покачал головой:

– Латиняне видят в нас не союзников, а добычу. Даже если Урбан объявит войну сарацинам, его рыцари растопчут наши улицы, прежде чем дойдут до Иерусалима.

Ричард ответил без колебаний:

– Без византийских дромонов они останутся на берегу, как трупы на пляже! До нас латиняне пройдут через зубы альпийских гор. Франки и испанцы, чьи мечи не пили византийской крови. И каждый из них поклянётся перед иконой Богородицы в Хагии Святой Софии в верности императору. Кто поднимет меч на Царьград, если его душа запечатлена воском святых свечей?

Император кивнул, постукивая пальцами по кедровому киоту:

– Мы обдумаем твоё предложение.

Он окинул беглым взглядом присутствующих. В зале повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием факелов.

– Если нужно, ты отправишься с посольством, а сейчас прошу оставить нас.

Ричард сделал шаг назад, касаясь кольчуги под бурнусом – византийским одеянием, скрывающим оружие. Его пальцы задержались на рукояти кинжала, доставшегося ему от лорда Альфреда: золотой эфес, покрытый рубинами.

Сенаторы и военачальники начали пятиться к выходу. Мрамор загудел, как раскат грома. Под «нас» император имел в виду самых близких приближённых, в числе которых брат и зять.

Когда зал опустел, Алексей повернулся к Исааку и Никифору. В руках он теребил четки с крестом:

– Говорите.

Исаак фыркнул:

– Я уже достаточно сказал! Этот мальчишка ослеплён мстью. Турки убили его отца, и он готов сжечь мир, чтобы их достать. Его план безумен.

Никифор пожал плечами:

– Может, и безумен. Но если латиняне отвлекут турок, мы вздохнём свободнее. Я бы рискнул.

Алексий выглянул в окно. За сводами дворца раскинулся величественный Константинополь, купола и башни которого мерцали в свете факелов. Император сжал челюсти и прошептал:

– Два голоса. Два пути. Что мне выбрать?

Он сделал несколько шагов вперёд, глядя на ночной город, и наконец произнёс:

– Пусть решит Бог...

Знамение у алтаря

Византийские императоры часто принимали важные решения через священные знамения. Алексей решил прибегнуть к обряду «должения стрел».

Вечером император Алексей стоял перед алтарём Святой Софии, его пальцы сжимали край чаши из оникса. Внутри лежали две деревянные дощечки, вырезанные в форме стрел: – Змея, покрытая чёрным лаком, с руническими письменами по краям – символ войны. – Голубь из кипариса с позолоченными крыльями – знак мира.

Священник воздел руки к куполу, где лик Христа мерцал в свете лампад, будто наблюдая за их выбором. – *«Господи, даруй рабу Твоему Алексию мудрость Соломона...»*

Император закрыл глаза. В ушах будто зазвучал голос отца, умершего такой же душевной ночью: – *Рим – это империя теней... Тот, кто обретает здесь власть, теряет её во мгновение ока...*

Словно отгоняя наваждение, он встряхнул чашу. Послышался удар.

Дощечки упали на мрамор, подпрыгнув, как живые. Змея легла поверх Голубя, её остриё указывало прямо на трещину в плитах – ту самую, что появилась после землетрясения в год его коронации.

– Знак! – прошептал Никифор.

Исаак фыркнул, поправляя плащ: – Змея всегда кусает первой.

Алексий поднял нижнюю дощечку. На обратной стороне Голубя проступили капли воска – словно кто-то держал её у горящей свечи перед ритуалом. Он провёл пальцем по расплавленному краю... и вдруг вскрикнул.

– Ваше Величество? – священник бросился к нему.

– Ничего... – Алексий сжал ладонь. Под кожей торчала заноза – осколок кипариса с Голубя. Как будто сам символ мира ранил его.

Ричард стоял в тени колонн, его лицо скрывал полумрак. Только глаза – чёрные, как смоль, – следили за каждым движением императора.

– Воля Божья явлена, – провозгласил Никифор, поднимая Змею над толпой.

Алексий кивнул, пряча раненую руку в складки императорской мантии. Его взгляд упал на Ричарда.

Тот медленно перекрестился...

«Священные» реликвии

На следующий день Ричарда вызвали во дворец. Но вместо покоев императора невзрачный посыльный провёл его к кабинету севастократора.

– Почётный соправитель ожидает вас! – манерно объявил он перед входом в кабинет. Ричард не подал вида, что удивлён... и удивлён неприятно!

Исаак медленно обернулся к нему, его взгляд скользнул по треснувшему мозаичному глазу императора Юстиниана на стене.

В руке он сжимал золотой шнур, обычно использовавшийся для императорских грамот, но теперь перерезанный пополам.

– Твои слова пахнут ртутью, – процедил севастократор. – Ядовиты, но могут спасти жизнь... По крайней мере, так думает мой брат.

Он швырнул обрывок шнура в бассейн с золотыми рыбками, где те начали жадно грызть драгоценные нити.

– Возьмёшь это вместо печати. Если Урбан начнёт лить слюну о «единой церкви»... – его палец нацарапал крест на воске императорской грамоты. – Не вздумай соглашаться. Постарайся купить старика золотом и теми дарами, что мы отправим.

Он махнул рукой в сторону окна, где на фоне заката выделялись корабли с латинскими крестами. – Плыть будешь с ними. Маврос снабдит тебя всем необходимым...

Ричард скользнул в тень алебастрового портика, где его уже ждал Маврос – грузный евнух с бронзовым ключом от подземных складов. В руках он сжимал кожаный мешок, из которого слышалось позвякивание церковных утварей.

– Его светлость велел передать это, – прошипел евнух, бросая мешок к ногам Ричарда. – Если чернь узнает, что святыни Святой Софии отдают... латинским шакалам, меня разорвут на куски у Золотых ворот.

Ричард вытащил из мешка фрагмент пояса Богородицы, обмотанный восковыми нитями. – Скажешь императору, что это будет лежать у ног Урбана, когда он объявит войну мусульманам...

Через час Ричард, завернувшись в бурнус с вышитыми папскими гербами, наблюдал, как грузчики погружают на корабль ящики с «святынями». Внезапно его плечо сжала грубая рука воина.

– Ты уверен, что их Папа проглотит эту ложь, юноша? – начальник стражи Михаил, чья правая рука заканчивалась стальной пикой в форме кинжала, ткнул остриём в сторону ящика с поддельным гробом Иосифа Аримафейского. – Если он узнает, что это останки какого-то армянского монаха... – он хищно улынулся, – Клермон станет последним пристанищем для твоей души.

– Папа ничего не узнает, если ты и твои люди не будете чесать языками, – осадил Ричард своего надсмотрщика, приставленного Исааком. – В противном случае вас посадят на пики прежде меня.

– Спокойно, юный лорд, – усмехнулся Михаил. – Я лишь хотел напомнить, какую игру ты затеял. Да ещё втянул в неё всех нас!

От членов команды послышались усмешки. – О да! Это точно!

Ричард спокойно ответил: – Решения принимал не я, а император. А он делает то, что угодно Господу!

– О да. И даже на горшок ходит только по воле Божьей, – заметил один остряк из команды по прозвищу Глифа, что на одном из местных наречий означало «змеиный язык».

Михаил хрипло рассмеялся, его зазубренный клинок блеснул в свете факела. – Ох, и отрежут тебе язык когда-нибудь, Глифа, помяни моё слово!

Позже той же ночью Ричард скрылся в тёмных переулках Константинополя. Где он был в тот вечер и с кем встречался – никто из приближённых не знал.

Глава 2: Пророки нового Исхода!

Дорога на запад

Корабли с латинскими крестами на парусах, словно стая хищных птиц, скользили по мрачным водам Босфора. Ричард Уайтгард стоял на носу дромона, сжимая в руке фрагмент пояса Богородицы. Воск, обвивавший реликвию, плавился под его пальцами, словно сама судьба Византии текла сквозь них.

– Думаешь, Папа поверит, что это подлинник? – Глифа, маленький и грузный, прислонившись к мачте, жевал финник, выплёвывая косточки за борт. Его прозвище оправдывалось: каждый вопрос звучал как укус змеи.

Ричард не обернулся. Вместо ответа он бросил взгляд на ящик с «гробом Иосифа Аримафейского». Подделка была искусной: резьба по кипарису повторяла узоры с саркофагов Ватикана, а внутри лежали кости армянского мученика, выкупленные у константинопольского работорговца.

«Грех? Нет. Жертва ради спасения братьев», – мысленно оправдался он.

– Вера в символы распяет в людях амбиции, – наконец произнёс он. – А зачем рушить эту веру тому, кому выгодно обратное? Папа примет хоть египетский саркофаг, лишь бы народ поверил в его святость...

По прибытии в Клермон Ричарда и его спутников встретили слуги папского двора – бледные, как монастырские стены, с глазами, опущенными к земле. Экипаж разместили в постоялом дворе, где воздух пах прелым сеном и ладаном. Михаил, затянув ремень на протезе с кинжалом, провёл пальцем по трещине в стене:

– Трещины тут повсюду, юный сакс. Как и в твоей затее.

Ричард проигнорировал насмешку...

Улочки Клермона петляли, как исповедь грешника, ведя к церкви Сент-Пьера. Её шпиль вонзался в небо, словно копьё архангела.

Покои Урбана II оказались каменным лабиринтом, где тени свечей плясали на фресках Страшного суда. Золотые лампы бросали отсветы на лики святых, чьи глаза следили за каждым шагом входящего.

За дубовым столом, похожим на алтарь, восседал Папа. Его пальцы, унизанные перстнями, перебирали свиток с печатями – словно взвешивали души. Рядом стоял епископ Адемар Монтейский, лицо которого напоминало застывший воск: гладкое, но готовое вспыхнуть от малейшей искры.

Ричард переступил порог папских покоев, его пыльные доспехи контрастировали с королевскими тканями, окрашивающими стены. Поклонившись, он коснулся ладонью мозаичного узора на изображении пальмы, символизирующего победу веры.

– Ваше Святейшество, честь ступить под вашими сводами, – сказал он, не поднимая взгляда.

– Мир в сердце – благословение для души, – отозвался Папа, не скрывая холода в голосе. – Но раз византийский император посылает своего посла ко мне, а не через архиепископа... – он замолчал, глядя на перстень с аметистом. – Думаю, дело не в молитвах.

Ричард кивнул одному из сопровождающих, и в залу внесли богато инкрустированный сундук. Внутри поблёскивали золотые монеты, церковные реликвии, сосуды из чистого серебра. Поверх всего лежал фрагмент пояса Богородицы, обёрнутый восковыми нитями.

– Примите эти дары, Ваше Святейшество. Император хотел, чтобы вам их вручили лично, а не через архиепископа!

Глаза Папы заблестели. Он оживился и стал с интересом смотреть на византийских гостей.

– И это ещё не всё, – Ричард сделал шаг в сторону, жестом приказав внести второй ящик. Четверо слуг, согнувшись под тяжестью, поставили на пол резной ковчег из чёрного дерева. На крышке, инкрустированной серебряными звёздами, виднелось рельефное изображение спящего Иосифа Аримафейского.

– Святые мощи, – прошептал Урбан, вставая. Его тень, удлинённая светом свечей, поползла по стене, словно желая обнять гроб.

Ричард приподнял крышку. Внутри, на алой парче, лежали истлевшие кости, обёрнутые в ткань с вышитыми крестами. Воздух наполнился запахом ладана и тления – смесь святости и смерти.

– Сам Иосиф, подаривший Господу свою гробницу, – голос Ричарда звучал торжественно, но в глубине зрачков мерцала ирония. – Его благословение осенит наш союз.

Адемар приблизился, склонившись над ковчегом. Его пальцы, тонкие как паутина, коснулись костей.

– Странно... – он поднял голову, уставившись на Ричарда. – Говорят, мощи Иосифа были утеряны.

– Говорят? – парировал Ричард, не моргнув. – Вы верите сплетням или слову императора?

Он почувствовал, как на миг напряглись мышцы плеч. *«Если он спросит про мощи ещё раз, что я отвечу? Адемар слишком цепкий...»*

В этот момент Папа рассмеялся – сухо, как треск пергамента.

– Остроумно, юный посол. Дар Византии... многогранен, – он опустил руку в сундук с золотом, позволив монетам соскользнуть сквозь пальцы. – Но где же слова вашего императора?

Ричард достал из-за пояса свиток, опечатанный воском с двуглавым орлом Комнинов. Печать треснула ровно пополам – как расколота империя.

– Письмо от Августейшего Алексея, – он протянул пергамент Урбану. – Он просит не только о союзе, но и о справедливости.

Папа развернул свиток. Чернила, смешанные с золотой пылью, мерцали в свете лампад: *«Возлюбленному брату во Христе... Турки оскверняют Гроб Господень, а их султан именует себя мечом Аллаха. Но разве не наш долг – стать щитом веры? Пусть мечи латинян обрушатся на нечестивых, и тогда Византия станет мостом, а не стеной...»*

Урбан медленно свернул письмо, его взгляд упал на Адемара.

– Вы слышали, епископ? Нас зовут не воевать, а спасать, – он бросил свиток на стол, где тот замер, словно змея, готовая к удару.

Ричард выпрямился, касаясь рукояти кинжала.

– Намерения вашего Цезаря благородны, но решение о войне с неверными требует взвешенности, – наконец продолжил Папа. Его взгляд был уставлен на Ричарда, словно проверяя прочность его намерений. – Слухи о зверствах сарацин доходят и до нас, но правда ли, что они так неистовы?

– Я сам тому свидетель, Ваше Святейшество! – Ричард закатал ворот сюртука, показав шрам у себя на шее. – Вот память, оставшаяся со мной после нашего с батюшкой паломничества ко Гробу Господню... Откуда он уже не вернулся.

Он замолчал, опустив голову. Папа и епископ перекрестились.

Адемар, оживившись, добавил:

– В окрестности Ле-Пюи приходят вести: сарацины не просто правят Святой Землёй, они посягают на святыни, гонят христиан... Даже говорят, будто поклоняются демонам. Мы выглядим слабыми, продолжая закрывать на это глаза.

Папа Урбан задумчиво скрестил руки на груди, взгляд его шарил по лицам Адемара и Ричарда. Беда соседней империи, конечно, вызывала некие опасения. Ведь после захвата

Константинополя турки могут пойти и дальше. Однако для прагматичного понтифика одного этого было мало. Ричард словно прочёл мысли Папы:

– Голод терзает Европу, а Святая Земля – кладёзь изобилия. Ваши рыцари, освободив Иерусалим, не только спасут свои души, но и обретут земли и сокровища.

Свет свечей мерцал на лицах собравшихся, подчёркивая напряжённость момента.

Адемар кивнул:

– Святейший, я думаю, для нас это шанс. Если мы дадим императору союзников, он поможет нам завладеть Иерусалимом. Или... – он развёл руками, – мы останемся с пустыми руками, как после последнего пожара в Равенне.

Ричард же добавил:

– Император покроет все ваши расходы на проповеди... – его голос дрогнул, но взгляд оставался твёрдым. – Эта помощь будет щедрой, как реки Месопотамии.

Папа и епископ обменялись взглядами. Золото Византии могло бы стать для них главным аргументом в борьбе с германским императором и его лжепапой Климентом, захватившим престол святого Петра в Риме.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь шорохом монашеских одежд.

Папа направился к окну, с которого открывался вид на Клермон, взгляд его уходил в далёкие дали, словно ища ответы в небесах.

– Это серьёзное решение, и мне предстоят долгие молитвы и размышления, – сказал он. – Ждите нас вечером, сын мой, и мы расскажем вам о нашем решении. Брат Жак проводит вас в ваши покои.

– Ваша милость, следуйте за мной, монахи приготовили вам благословение, – произнёс один из монахов, спешно открывая двери...

За сумрачными стенами

Ричард остался один в келье, где каменные стены дышали сыростью, а узкое окно резало свет, как нож хлеб. На столе, рядом с вином и сыром, лежал гранат – жест «благословения» от папской кухни. Её кожура напоминала шрамы на его шее.

Ричард сжал гранат в ладони, ощущая бугристость кожуры. За окном кельи мерцали огни Клермона, но город казался чужим, как и молитвы, что липли к стенам папского дворца. «Урбан...» Имя обожгло сознание. Папа – не святой, а купец, торгующий небесами. Его глаза, жадные до золота, выдавали больше, чем речи о «спасении душ».

Он провёл пальцем по трещине в столе – тонкой, как лезвие между правдой и ложью. Исаак запретил уступать латинянам в вопросах веры, но разве клятвы Папе – не башни из песка, что рассыпятся при первом шторме? *Плевать на указание Исаака, даже если придется заключить союз с дьяволом, лишь бы латиняне отправили войска в Палестину...*

Тем временем между папой и епископом шла оживленная беседа!

– По мне, ваша светлость, – епископ Адемар шагнул вперёд, его мантия взметнулась, подобно крыльям ворона, – если бы не посланник из Константинополя, нам и самим следовало начать подобные призывы! – Голос его звенел, как натянутая тетива. – В Ле-Пюи шепчутся о войне с неверными в каждой таверне. Крестьяне готовы идти хоть в ад, лишь бы вырваться из плена голода...

Папа поднял руку, прерывая его. За окном, в ночной синеве, проплыла туча, и на миг комната погрузилась в полумрак.

– Народ... – Урбан произнёс слово с горечью, будто пробуя на вкус прогнивший плод. – Они примут проповедь, да. Но что толку в толпах оборванцев? – Он встал, и тень его фигуры, вытянувшись до потолка, накрыла карту Святой Земли, разложенную на столе. – Знать, Адемар! Графы и герцоги! Их столы ломаются от дичи, даже когда крестьяне мрут от голода. Что заставит их взять крест?

Адемар приблизился, его глаза горели, как угли в очаге.

– Не хлебом единым! – Он ударил кулаком по карте, и восковые фигурки-метки подпрыгнули. – Они жаждут славы, которая переживёт их прах. Земель, которые обессмертят их имена. – Его палец прочертил линию от Клермона до Иерусалима, оставляя царапину на пергаменте. – Господь вёл Моисея через пустыню, обещая землю обетованную... а мы дадим им две обетованные земли: одну – для души, другую – для плоти.

Папа замер, его взгляд скользнул по распятию над дверью. Христос на кресте смотрел вниз с укором, но Урбан уже видел не страдания, а символ – знамя, под которым пойдут тысячи.

– Ты предлагаешь обмануть их? – спросил он тихо, поднимая бокал с вином. Рубиновая жидкость колыхнулась, отражая пламя свечей.

– Нет. – Адемар схватил свой кубок и осушил его одним глотком. – Я предлагаю направить. Как Господь направил свой народ через Моисея и Навина. Пусть воюют ради добычи... но в сердце каждого будет гореть искра веры. Особенно когда они увидят стены Иерусалима... – Он замолчал, давая словам повиснуть в воздухе.

Папа медленно обошёл стол, его шелковые туфли шуршали по каменному полу. Остановившись у окна, он распахнул ставни. Ночной ветер ворвался в комнату, задувая свечи, и на мгновение лишь луна освещала его профиль – острый, как клинок.

– Вижу роль молитвенника Моисея... ты отмерил её мне? – Голос его звучал иронично, но в глубине глаз вспыхнул огонь – А вы, Ваша милость, готовы ли стать... новым полководцем Навином?

Адемар склонил голову, пряча легкую улыбку.

Тишину разорвал хлопок двери. В проёме замер слуга с дымящимся кубком в руках, но папа махнул ему уйти. Когда шаги затихли, Урбан повернулся, его тень легла на Адемара:

– Раймунд Сен – Жиль. Без него всё это – детские игры. – Он схватил со стола нож для вскрытия свитков и воткнул его в Иерусалим на карте. Лезвие дрогнуло, бросив отсвет на его лицо. – Говорят он любит Бога... но еще больше он любит свои земли. Как ты убедишь его оставить их?

– Он любит власть и славу, – поправил Адемар, выдергивая нож и проводя остриём вдоль побережья Сирии. – Пообещаем ему быть... первым у врат Рая...

Вечером, когда Ричард вновь переступил порог папских покоев, воздух был густ от запаха мирры. Папа, похожий на икону в обрамлении золотых тканей, сидел в кресле, а Адемар стоял с ножом над картой, будто выбирая следующую жертву.

– Надеюсь, вам удалось отдохнуть? – епископ обернулся, его голос прозвучал тепло, но глаза скользили по Ричарду, как скальпель по шву.

– Благодарю, монсеньор. Ваше гостеприимство... неожиданно щедро. – Ричард сделал поклон, замечая, как тень от креста на стене дрожит у него за спиной.

Папа поднялся, его мантия зашелестела, словно крылья летучей мыши:

– Мы объявим священную войну. – Он произнёс это просто, как констатацию факта, но в тишине слова прозвучали громовым ударом. – Но сначала – Сен-Жиль.

Адемар подошёл к Ричарду, положив руку ему на плечо. Прикосновение было тяжёлым, как доспех:

– Завтра вы отправитесь с нами к графу Раймунду. Он должен увидеть в вас... союзника. Не посланника.

Ричард встретил его взгляд, чувствуя, как под плащом холодеет рукоять кинжала. *«Он знает. Или догадывается?»* Пронеслось в голове!

– Я передам ему... просьбу императора, – спокойно произнёс он.

Папа протянул руку для поцелуя, давая понять, что аудиенция закончена. Ричард внутренне вздрогнул, но не подав вида, совершил сакральный обряд.

Когда они вышли, Михаил язвительно заметил:

– «Похоже ты купил его, как покупают пса... Но не забывай, что и псы кусают руку, если чувствуют фальшь».

Ричард не ответил. Вместо слов он вспомнил, как один из его наставников учил: *«Правда – это нож. Прячь его до нужного момента».*

Глава 3! Тень Манцикерта!

Знакомство с графом

На следующий день делегация двинулась в Сен-Жиль. Зеленые холмы, усыпанные маками, будто подрагивали под ветром.

Ричард ехал молча, сжимая поводья. Его взгляд скользил по горизонту, будто искал невидимые метки на пути – привычка, оставшаяся с тяжелой юности.

Несмотря на идиллический пейзаж, в воздухе витало напряжение. Каждый из путешественников нес в себе свои тайны и расчеты.

Замок графа вздымался над долиной, как каменный исполин. Резные арки и витражи блестели в солнце, но решетки на окнах напоминали зубы хищника.

Слуги в ливреях с гербом Тулузы выстроились у ворот, но их поклоны были слишком глубокими, словно они прятали страх. Будто чувствовали, что визит Папы и его свиты не сулит ничего хорошего.

Граф Сен-Жиль ждал их во дворе замка. Высокий, худощавый, с проседью в волосах, он напоминал старого волка: сдержанного, опытного и опасного. На левом глазу чернела кожаная повязка – след битвы, оставшейся не только на лице, но и в душе.

– Добро пожаловать, святейший отец, достопочтенные лорды, – его голос был хрипловат, но твёрд.

– Благодарю за радушие, граф, – ответил Папа, спешиваясь. – Мы прибыли к вам не только с благословением, но и с предложением.

Раймунд усмехнулся, не отводя изучающего взгляда от гостей.

– У нас в Лангедоке разговоры принято вести за ужином. Прошу в мой дом...

Ужин подали в зале, где дым от жаровен клубился под потолком, смешиваясь с запахом розовой воды. Эльвира, жена Раймунда, сидела словно статуя – ее пальцы, унизанные кольцами, лежали на столе, но глаза, темные и холодные, следили за каждым движением гостей. Агнесса, племянница, напротив, ерзала на стуле. Ее взгляд то и дело цеплялся за Ричарда, будто пытаясь разгадать тайну за его улыбкой.

– Сэр Ричард, – Обратилась она к нему, её губы тронула улыбка. – Ваше присутствие в нашем доме – честь для нас!

Ричард вежливо поклонился. Он уже знал этот взгляд. Видел его в Константинополе, на улицах Каира и во дворцах Антиохии. Восхищение, смешанное с любопытством.

Но он был здесь не ради женских глаз...

– Милорд Раймунд, – заговорил Папа, когда хлеб и вино были поданы. – Говорят, ваше сердце навеки связано с дорогами Святой Земли.

Граф откинулся на спинку стула, коснувшись повязки на глазу.

– Сердце, может, и связано, но тело осталось здесь. Много лет назад я потерял глаз, когда защищал паломников. И потерял братьев, сражаясь за Гроб Господень.

Ричард воспользовался моментом и наклонился вперёд.

– Граф, вы знаете, что мусульмане сейчас воюют между собой. Их султаны разделены, а армии ослаблены.

Раймунд прищурился, но затем рассмеялся.

– А вы не промах юный лорд. Сразу берете быка за рога!

Граф, ударив ножом по блюду с олениной. Кровь сочилась из мяса, как из раны.

– Прошу простить поспешность нашего друга – вмешался папа – Вчера он поведал нам что турки убили его отца!

Повисла пауза. Эльвира и Агнесса перекрестились...

– Расскажите, сэра Ричард, – Агнесса наклонилась к нему, опьяненная смелостью и вином, – правда ли, что в Царьграде дворцы из мрамора, а император спит на шелках?

Ричард приподнял бокал, заметив, как Адемар замер, словно змея перед броском.

– Дворцы там... как гробницы, юная леди. – Он провел пальцем по шраму на шее, едва заметному под кружевом воротника. – Красота, что манит и убивает.

– А ваш отец посол? – Напомнил граф нарезая мясо в серебряной чаше – Он погиб от рук сарацин фанатиков... или тех, кто прикидывается ими?

Ричард не моргнул, но под столом его рука чуть сжала рукоять кинжала – жест, уже ставший привычкой в минуты волнения.

– Фанатики тоже носят тюрбаны, граф. Сейчас они не щадят даже паломников.

Адемар, до этого молчавший, встряхнул головой, будто пробуждаясь от транса. Его пальцы, тонкие и бледные, сомкнулись вокруг креста:

– Господь посылает испытания, чтобы очистить наши души. А как ваша, граф, после потери друзей под Иерусалимом...?

Раймунд откинулся на спинку кресла. Его единственный глаз сузился:

– Мои друзья?! Они кричали, епископ, когда сарацины резали их. А я... – Он ткнул ножом в повязку. – Я отступил, ушел. Теперь вот сплю с открытым глазом.

Эльвира положила руку на его запястье, но граф отстранился. Она замерла, ногти впились в парчу скатерти:

– Раймунд... ты всегда мечтал о чём-то большем. Разве не так?

Ричард заметил, как дрогнули ее ресницы – очевидно она боялась резкой реакции мужа, на то что вмешалась в разговор...

Вдохновение на десерт

– Вы хотите испугать бегство? – Папа Урбан медленно встал, его тень поползла по стене, сливаясь с изображением Архангела на гобелене. – Тогда ведите армию обратно. Иерусалим трещит по швам, султаны грызутся между собой, как псы. Время ударить – сейчас!

Раймунд замер. После выпитого вина, слова понтифика разожгли воспоминания с новой силой. Его пальцы, шершавые от старых шрамов, непроизвольно потянулись к медальону на груди – медному диску с выбитым крестом, подарку погибшего оруженосца. Но едва коснувшись, он резко сжал руку в кулак, будто обжегся.

– Вы называете это бегством, святейший? – Голос графа зазвучал глухо, как стук сердца под землей. – Я оставил там пол-отряда. Но если бы мы не отступили... погибли бы все...! – Он провел ладонью по лицу, и повязка съехала, открыв багровый шрам, похожий на раскрытый рот.

Адемар вскинул голову, словно учуяв слабинку:

– На этот раз, мы предлагаем Вам, не просто паломничество! – епископ встал, его голос зазвенел, как натянутая струна. – А власть от имени святой церкви! Вы станете мечом Божиим. Первым у врат Рая... и у врат Иерусалима!

– Мечом? – Раймунд вскочил так резко, что стул грохнулся на каменный пол. Его тень, гигантская и изломанная, накрыла гобелен с битвой при Манцикерте, где турки рубили христиан, а их кровь сливалась с нитями пурпура. – Чтобы взять Иерусалим нужны тысячи... сотни тысяч мечей! – Он рванул шнур медальона, и тот упал на стол, звякнув. – Иначе наши жертвы снова станут напрасны!

– Жертвы во имя Господа никогда не напрасны – поправил Адемар – Всех тех, кто пал в бою во имя Его, ждет вечная жизнь и вечная слава! Или вы забыли об этом граф?

Раймунд откинулся на спинку высокого стула, внимательно изучая Адемара

– Нет епископ, не забыл! Но наших целей, по расширению царства Христова, на этой земле, мы так и не достигли.

– Мы достигнем их. И да поможет нам Бог! – Папа Урбан поднял медальон, и крест на нем зажегся в свете свечей. – Ведь на этот раз, наша проповедь поднимет намного больше верных войнов христовых! – Его голос звучал спокойно и мягко, как у заговорщика змей. – Рыцари Франции, Фландрии, Кастилии... – Он кивнул в сторону Эльвиры. – И золото Византии.

Раймунд взглянул на медальон в руке Папы, и его глаз дрогнул. На миг он снова стал тем юношей, что верил: защищая паломников на пути ко Гробу Господню, он верно служит Господу, как сражающийся демонов Архангел Михаил...!

Адемар шагнул вперед, его ряса взметнулась, как крылья:

– Представьте: ваше знамя первым взвоет над стенами Иерусалима. Ваше имя станет легендой...

Раймунд выпрямился. В его глазах вспыхнуло что-то давно забытое – азарт юности, жажда славы. Эльвира впервые за вечер улыбнулась по-настоящему:

– Ты можешь взять моих братьев, Раймунд. Их войско добавит веса твоему мечу.

Агнесса вскочила, опрокинув кубок. Вино растеклось по скатерти, как кровь.

– И я поеду! Я буду... перевязывать раны! Молиться!

Все засмеялись, кроме Ричарда. Он наблюдал, как Папа и Адемар обмениваются взглядом – быстрым, как удар кинжала. Они купили его, понял он. Новыми землями, славой, золотом, пустыми обещаниями.

Впрочем, тем же чем он купил их до этого в помпезных залах Сен —Пьера...

– Благословляю ваш поход, – Урбан поднял руки, но его взгляд упал на сундук с византийскими реликвиями, принесенный людьми Ричарда в дар графу – Пусть каждый шаг осенят ангелы!

Ричард поклонился, скрывая усмешку. *Ангелы? Или люди?*

Он вышел в сад, чтобы глотнуть воздуха, за ним последовал шепот шагов.

– Вы лжете так искусно, – Агнесса прижалась к колонне, ее голос дрожал. – Будто играете роль.

Ричард понял, что задел ее самолюбие, не проявив должного внимания в ответ. Но раз она не постеснялась преследовать его, значит заглотила наживку.

Это можно использовать, чтобы сблизиться с графом!

Он обернулся, и луна осветила его лицо – внезапно холодное, без тени прежней теплоты.

– Все мы играем роли, леди. Даже святые...

Глава 4: Земля обетованная!

Клермон, ноябрь 1095 года

Толпа колыхалась, как море перед бурей. Пыльная площадь Клермона была забита тысячами людей – крестьянами, ремесленниками, рыцарями, священниками. Люди стекались сюда, будто призванные самой судьбой. Лязг доспехов, шёпот молитв, крики торговцев сливались в один гул, но стоило Папе Урбану ступить на возвышение, как площадь замерла.

Ричард стоял в тени колонны, наблюдая за людьми. Его чёрные глаза скользили по лицам – возбужденным, полным жажды чуда. Он видел фанатичную веру в одних, корыстные расчёты в других, страх – в третьих. Толпа всегда была живым существом, но сегодня она напоминала зверя, ждущего своего хозяина.

Папа медленно воздел руки. Лучи осеннего солнца пробивали дымку, освещая его багровые одеяния. Урбан сделал паузу, оглядывая толпу, – растянул её, словно натягивал тетиву лука.

– Народ франков! – Голос Папы прорезал воздух, как меч. – Бог избрал вас! Бог возлюбил вас! Он наделил вас силой, чтобы карать нечестивых! И ныне настало время подняться!

Толпа затаила дыхание.

– Слушайте! – Урбан поднял пергамент, с которого лишь делал вид, что читает – слова были выгравированы в его разуме огнём. – Посланцы из Константинополя принесли страшные вести! Земля Господа нашего – в осквернении! Нечестивые турки, сарацины, дьявольское отродье топчет Иерусалим! Они разрушают храмы, насилюют женщин, убивают детей, глумятся над святым Гробом Господним! Они приносят в жертву христианских младенцев, пируют на костях мучеников! Разве это не зов к оружию?!

Ричард почувствовал, как внутри сжимается ледяной кулак. Он знал, что в словах Папы – лишь часть правды, смешанная с горами лжи. Но толпе не нужна правда. Ей нужен огонь.

Толпа загудела, женщины в первом ряду падали на колени, завывая, послышались крики:

– Смерть неверным!

– За Христа!

– За святую землю!

Папа поднял руку, и голос людской бури смолк.

– Что же удерживает вас? Страх? Вы что, жалкие трусы? Или, быть может, любовь к дому, жене, детям? Слушайте, что сказал Господь: «Кто не возненавидит отца своего, мать свою, братьев своих и детей своих ради Меня – недостойн Меня».

Люди крестились, стиснув зубы.

– Земля, на которой вы живёте, тесна и бедна! Она не способна прокормить всех вас! Вы убиваете друг друга ради куска хлеба, враждуете, грабите соседей! Но есть земля, текущая молоком и мёдом! Земля, что ждёт своих истинных владык! Земля, где Христос пролил свою кровь! – Папа поднял руку, его глаза горели неземным светом. – Возьмите же её... Так хочет Бог!

И окинув взглядом толпу, снова произнес:

– Так хочет Бог!

На латыне это звучало как *Deus vult!*

Толпа взорвалась единым криком:

– *Deus vult!* – *Deus vult!*

Они скандировали, словно в безумии, бились в экстазе, многие падали на колени, плача.

Ричард тоже был пронизан всеобщим восторгом, он склонил голову, скрывая возбуждение. «Я пришёл купить войну. Но Папа продал её даже мне!» – пронеслось у него в голове.

Граф Раймунд первым вышел из толпы. Он встал на колени перед Папой. Урбан сорвал кусок своей мантии, сложил его крестом и возложил на плечо графа.

– Да хранит тебя Господь! – провозгласил он.

Раймунд поднялся и высоко поднял крест, словно знамя.

– Deus vult!

Толпа взревела в ответ. Один за другим рыцари и сквайры подходили к Папе. Кресты из пурпурной мантии ложились на их плечи.

Ричард шагнул вперёд. Когда он встал перед Папой, тот задержал взгляд на нём. На секунду между ними пробежала тень понимания. Урбан знал, что этот человек не шёл за верой. Но это не имело значения.

Когда Ричард поднял крест, Адемар едва заметно кивнул. Всё шло так, как они задумали...

Константинополь. Весна 1096 год.

Император Алексей слушал Ричарда, постукивая пальцами по подлокотнику трона. В его глазах читалось нечто большее, чем удовлетворение – осторожный триумф.

– Итак, Папа послал призыв, – произнёс он, когда Ричард закончил. – Толпы фанатиков, жаждущих турецкой крови, теперь направлены на Восток. А самые влиятельные лорды Европы скованны клятвами.

– Всё как мы и рассчитывали, – кивнул Ричард. – Раймунд Сен – Жиль, Роберт Фландрский, Готфруа Булонский...

– Но не Боэмунд? – перебил его Исаак, сжав подлокотник кресла.

– Нет, – Ричард усмехнулся. – Папа не стал звать норманнов.

– Это ненадолго, – Алексей взглянул на своего брата. – Но пока у нас есть время.

Он встал, давая понять, что аудиенция окончена.

– Ты хорошо послужил Империи, Ричард.

– Я служу вам, государь, – ответил тот, поклонившись...

Но после визита к императору Ричард шёл не в свои покои, близ имперского замка, а отправился, как могло бы показаться, прогуляться по городу.

Однако вскоре стало ясно, что он не просто решил развеяться, а явно знал, куда идёт. Узкие переулки Константинополя, запутавшиеся словно нити в ладонях гадалки, вели его к старым кварталам. Он шёл быстро, иногда оглядываясь. Всё было рассчитано: время, повороты, тени.

Он прошёл пару кварталов, и дошёл до той части города, где жили в основном мусульмане.

В мусульманском квартале пахло шафраном и страхом. Ричард постучал в дверь с меткой – три царапины, как когти дьявола. Старик с лицом, изборождённым шрамами, выглянул из-за двери.

– Он ждёт вас наверху! – сказал старик Ричарду на персидском языке.

Ричард кивнул, прошёл внутрь и начал подниматься по лестнице. Деревянные ступени скрипнули, но он ступал осторожно, подавляя звук шагов.

На втором этаже, у массивного окна, стоял человек в белоснежной джуббе. Лицо его скрывала куфия, и только глаза – спокойные и хищные – смотрели вдаль. С этой высоты открывался вид на сверкающие в лунном свете купола Константинополя, сиявшие, словно драгоценности.

– Тебе удалось вложить в их сердца то, что мы задумали? – спросил он, не оборачиваясь.

Ричард склонил голову:

– Да, господин...

Глава 5: Двойной агент

25 годами ранее

Ночь душным саваном накрыла Константинополь. На западе, за крепостными стенами, последние отсветы солнца дрожали в водах Золотого Рога. В переулках лязгали ворота лавок, затихал гул дневного рынка.

У двери постоялого двора раздался глухой стук.

Амин аль-Баср, хозяин – перс, поднял взгляд от счётных табличек. Он давно научился определять гостей по звуку шагов: караванщики ступали тяжело, словно увлекая за собой пески пустыни; матросы – пружинисто, будто палуба была под ногами. Но этот звук... Тяжёлые сапоги, железо о камень.

Он приоткрыл дверь – перед ним предстал высокий мужчина в пыльных доспехах. Его лицо было покрыто потом, губы пересохли. В глазах читались усталость и невыразимая тревога.

«Латинянин».

– Приютите нас, – голос был хриплым, будто выжатым из последних сил, сказал он на ломаном греческом. – Моя жена... Она рождает.

Из-за спины рыцаря показалась женщина, согнувшаяся от боли. Она едва держалась на ногах, придерживая живот.

Амин мельком взглянул на неё. Он видел многое: купцов, спасающихся от разбойников, дезертиров, прячущихся от закона, беглецов с чужими жёнами. Но этот человек не лгал.

Он кивнул:

– Входите...

Повивальная бабка Фатима возилась с роженицей всю ночь. Воздух в комнате густел от жара и запаха крови. Женщина кричала, ломая ногти о постельное дерево. Потом настала тишина, сменившаяся детским плачем.

– Двойня, – прошептала Фатима.

Один мальчик – крепкий, с румяными щеками. Второй – тише, слабее, но с живым взглядом.

Но радость быстро омрачилась трагедией. Мать не пережила роды.

Фатима вытерла лоб и задумалась. Потом, хмурясь, позвала хозяина.

– Два мальчика... – прошептала она, вытирая лоб. – Близнецы.

Амин замер в дверном проёме. Его взгляд скользнул по лицу мёртвой матери, потом – по детям. В голове щёлкнул механизм опытного торговца, никогда не упускавшего свою выгоду.

– Отдадим одного отцу, – сказал он тихо, словно боясь разбудить смерть. – Второго возьмём себе.

Фатима кивнула:

– Верно. Господину не помешает ещё один слуга.

Латинянину отдали одного младенца – того, что выглядел сильнее. Второго передали Лейле, дочери Фатимы, недавно родившей.

– Назовём его Исмаилом, – прошептала Лейла, качая малыша.

Так два брата – Ричард и Исмаил – росли по разные стороны великого города, даже не подозревая о существовании друг друга...

Несколько лет спустя.

Мальчик с тёмными глазами стоял у стены, прислушиваясь.

В соседней комнате Амин совершал вечерний намаз. Исмаил не видел, но слышал каждое слово.

Когда хозяин ушёл, он осторожно шагнул вперёд, скрестил руки на груди и начал повторять молитву... слово в слово, чётко сохраняя паузы и интонации.

Амин, услышав, вернулся, и его сердце сжалось.

– Как ты запомнил это? – спросил он.

– Слова сами льются в голову, господин, – ответил малыш, не моргнув.

Амин молча смотрел на него.

«Ему суждено большее», – подумал он.

С этого дня обучение Исмаила изменилось. Он изучал не только Коран и арабский, но и греческий, французский, латынь. Он учился читать людей: их жесты, тени сомнений в голосе, ложь за улыбками.

Когда Исмаилу исполнилось восемнадцать, Амин позвал его к себе.

Юноша вошёл в комнату, опустив глаза. Он был спокоен снаружи, но внутри его сердце билось гулко – как набат. Амин стоял у окна, руки за спиной, взгляд – устремлён в закат. Молчание тянулось, словно струна, готовая оборваться.

Наконец он обернулся.

Перед ним стоял статный, высокий юноша с ясными, внимательными глазами, в которых горел живой ум и внутренняя сила. Черты лица – тонкие, почти благородные, с намёком на знатную кровь. Чёрные волосы были аккуратно зачёсаны, движения – точны, как у хищника, натренированного в тишине. В его взгляде не было страха, лишь ожидание и жажда смысла.

– Теперь я вижу... ты готов.

Исмаил поднял голову, чувствуя, как жар поднимается к лицу.

– Готов к чему, господин?

Лицо Амина было задумчивым, почти скорбным.

– Готов... служить великому делу.

Он подошёл ближе, положил руку юноше на плечо. Взгляд его был тяжёлым, как груз судьбы...

На следующий день Исмаил покинул Константинополь. Он отправился в далёкую крепость на севере Персии, сердце низаритов. Где его ждала новая жизнь...

Крепость Аламут, 1091 год

Ночь над Аламутом была беззвёздной. Холодный горный ветер завывал в бойницах, но в зале, скрытом за массивными стенами, горели лампы, наполняя воздух ароматом горячих пряностей и растопленного воска. Здесь, в сердце тайного ордена, где слова могли быть опаснее кинжалов, заседал тот, чьё имя внушало страх сильным мира сего.

За низким столом, заваленным свитками и керамическими чашами, сидел человек, чьё спокойствие пугало больше, чем крик палача. Белые одежды обволакивали его, как саван. Пальцы – сухие, как корни пустынных деревьев – раздавливали зёрна граната, оставляя на скатерти алые пятна, будто предвещающая судьбу тех, кто осмелится возразить.

Это был Хасан ибн Саббах, также известный среди своих подданных как «Старец Горы».

Перед ним, склонив голову, стоял Амин аль-Баср. Он ждал, пока его владыка заговорит первым.

Хасан молчал. Его холодный, пристальный взгляд упирался в юношу, стоявшего рядом с Амином, кожа которого была чуть светлее, чем у большинства учеников ордена, но его глаза – чёрные, глубокие, как безлунная ночь – горели той же жаждой знаний и власти, что и у всех избранных фидаинов, которых на Западе называли *Асасины*.

Исмаил держался прямо, но его плечи были напряжены. Внутри него боролись страх и решимость.

– Достопочтенный Амин, – наконец произнёс Хасан, перекатывая между пальцами зёрнышко граната. – Что нового шепчут стены императорских палат?

Амин поклонился.

– Владыка, император Алексей укрепляет свою власть, – ответил он. – На ключевых постах – его родственники. Но Аллах не оставил нас милостью.

– Я слушаю, – голос Хасана был мягок, но в нём звучала власть.

Амин положил руку на плечо Исмаила.

– Этот юноша – редкая находка. Он так похож на одного молодого лорда при византийском дворе, что даже мать не отличила бы одного от другого.

Хасан приподнял бровь.

– Лорда?

– Да. Лорда Ричарда. Сына советника императора.

Хасан не отводил взгляда от Исмаила.

– И что ты предлагаешь?

– Мы заменим одного другим, владыка. – Голос Амина был спокоен, но в нём слышался азарт. – Ричард должен умереть, а вместо него появится наш человек. Кто станет сомневаться? Даже сам император будет считать, что юноша, которого он когда-то знал, вернулся к нему после трагедии.

– И что думает сам юноша? – Хасан наконец обратился к Исмаилу напрямую.

Юноша склонился в почтении.

– Я сделаю всё, что прикажете, господин.

Хасан склонил голову, наблюдая за ним.

– Ты думаешь, что можно превратить его в латинянина? – он снова посмотрел на Амина. – Чтобы он не только говорил, но и дышал, как они?

– Он уже говорит на их языке. Уже думает, как они. Знает все о лордах и их окружении. Я вложил в него всё, что нужно.

Хасан задумчиво потеревил бороду.

– И как ты думаешь их подменить?

– Лорд Альфред с сыном собираются в Святую Землю. Паломники часто исчезают в пути – разбойники, болезни, несчастные случаи... Только Исмаил вернётся ко двору под видом Ричарда.

Великий мастер асаинов задумался. Затем медленно кивнул.

– Пусть мальчик останется здесь, – Хасан провёл пальцем по лезвию кинжала. – Наши мастера сделают из него фидаина.

Хасан жестом подозвал одного из привратников.

– Ты можешь идти, – обратился он к Исмаилу. – Зариф проводит тебя.

Когда юноша скрылся за тяжёлой дверью, повинувшись беззвучному жесту стража, Хасан повернулся к Амину. Его взгляд – внезапно тяжёлый, как свинцовая плита – обрушился на шпиона ордена. У Амина по спине пробежали ледяные мурашки.

– А теперь, – прошипел Старец Горы, и его пальцы сомкнулись вокруг кинжала, – расскажи мне... как два пса из разных стай могут быть столь похожи, что даже сука-мать не отличит? Откуда этот... двойник?

Амин выдавил едва уловимую, нервную улыбку:

– От вас ничего не скроешь, владыка...

– Значит, близнецы, – задумчиво произнёс Старец Горы.

– Да, точная копия друг друга, – подтвердил Амин. – Я наблюдал за лордом Ричардом при дворе. У Исмаила даже голос звучит как у брата.

– Возможно, у их цезаря и не будет сомнений, – процедил Хасан. – Но пёс, вскормленный волками... сможет ли стать истинным волком?

– Господин, Исмаил – очень способный юноша!

– Я не об этом, – Хасан смахнул с пальцев сок граната. – Кровь не обманешь. Латинянин по рождению... – он бросил взгляд туда, где до этого стоял Исмаил, – сможет ли он забыть зов крови и не вернётся ли в свою стаю, забыв про клятвы, данные нам?

– Владыка! – Амин почти вскрикнул, забыв о сдержанности. – Разве Пророк, мир ему, не для всех народов ниспослал Коран? Исмаил вскормлен нашим учением! Он предан Ордену не меньше других! Его вера – словно сталь!

– Молчи! – голос Хасана ударил, как плеть.

Он встал. Его тень, гигантская и уродливая, поползла по стене, поглощая изображения с битвами пророка на фресках. Молчание. Только ветер выл наверху, да воск шипел в лампадах.

– На этот раз я даю тебе волю... – произнёс Хасан после паузы, от которой у Амина снова прошёл холодок по спине. – Но помни: если пёс завоюет и вернётся к своим псам – я прикажу содрать с него шкуру. И твою – тоже. Теперь... исчезни.

Амин выскользнул из зала, спиной покрытой ледяным потом. За ним захлопнулась дверь. Хасан ибн Саббах остался один. Он подошёл к щелевидному окну. Внизу, в кромешной тьме, выл ветер. Старец Горы поднёс к губам окровавленное зерно граната... и медленно раздавил его зубами. Алый сок стек по подбородку, как слеза демона...

Где-то под Никеей, 1093 год

Ночь встала над дорогой черной стеной. Звёзды – тысячи ледяных очей – впились в землю. Небольшой караван паломников полз, как раненый зверь. Усталые кони шаркали копытами по пыли, их дыхание клубилось в лунном свете белесыми призраками.

– Здесь. – Голос лорда Альфреда прозвучал глухо, как удар по гробу. Он сполз с седла, тяжело ступив на землю. Камень хрустнул под сапогом. – Разобьем лагерь.

Ричард, его сын, не спешил. Глаза его, чёрные и острые, как у ночной птицы, метались по опушке леса. Тишина. Слишком густая. Без сверчков, без шороха листвы. Только собственное сердце, гулко бьющее в висках.

– Тихо... – прошептал он, рука уже скользя к эфесу меча. – Слышишь?

Тени сорвались с земли. Бесплотные. Бесшумные. Как дым, обретший форму и сталь. Блеск клинков – холодные молнии в кромешной тьме. Хриплый вскрик стражника – обрубленный на полуслове. Лязг! Ричард выхватил меч, отбивая первый удар так, что искры брызнули во мрак.

– Ричард! Сзади! – Альфред рванулся вперёд, его меч сверкнул полумесяцем. И в этот миг – свист! Тупой, влажный чмок разорвал ночь. Стрела с орлиным оперением дрожала в его горле, точно черная змея, впившаяся в жертву. Лорд захрипел, пальцы судорожно сжали древко... и рухнул на колени. Кровь хлынула ртом, алая на серебре бороды.

– ОТЕЦ! – Вопль Ричарда был диким, звериным. Он бросился с коня, ослеплённый яростью и ужасом. Сильная рука схватила его сзади за плащ, другой зажала рот. Острая боль вонзилась в шею – словно раскалённое шило. Мир поплыл. Перед тем, как тьма поглотила сознание он обернулся и успел увидеть лицо нападавшего – такое же, как его собственное...

Юноша в окровавленных доспехах лорда Ричарда стоял над засыпаемой ямой. Земля ещё шевелилась, поглощая тело двойника. Фидайны, как тени, бесшумно делали своё дело – привычно, сдержанно. Он убивал не в первый раз.

Но сейчас...

Ледяная пустота разверзлась внутри. Будто он вырвал кусок собственной души и бросил в эту могилу. Пальцы его дрожали так, что застучали по набедреннику. Он сжал кулаки до хруста костяшек, пытаясь задавить предательский озноб, поднимающийся от пяток к затылку.

И всё же не мог оторвать взгляда от мертвого лица. Почти заваленное землёй, оно всё ещё оставалось зримым, страшно знакомым – как отражение в тёмной воде. Он смотрел и не верил. Казалось, это он сам лежит в яме, с мёртвым взглядом, с кровью, стекающей по щеке.

– Как? – шептал он про себя. – Как такое возможно?

Он вспоминал слова Амина, сказанные когда-то на этот счёт:

«Премудрый Аллах творит людей, порой до ужаса одинаковых. По Его воле один может стать королём, другой – палачом. Один – спасти, другой – предать».

Ему казалось, будто он только сейчас по-настоящему начал понимать: убийство – это не просто конец другого. Это начало чего-то в тебе самом.

Чего-то, что уже не выкорчевать ни исповедью, ни мечом, ни раскаянием.

Почему же это случилось именно со мной и с ним?

Что мы совершили, чтобы стать зеркалами друг друга?

Кто он был – наказание или предупреждение? Часть меня, от которой нужно было избавиться, или невинный, похожий только внешне?

Он стоял, не двигаясь, пока лицо двойника не исчезло под комьями земли.

Амин возник рядом, как джинн из ночи. В его руке был кинжал – не орудие убийства, а шедевр ювелира: рукоять черного дерева, инкрустированная кровавыми гранатами.

– Теперь ты лорд Ричард. Забудь свое прошлое имя. Его больше нет. Ты понял меня, Ричард?

– Да, господин... – отстраненно прошептал он.

– Теперь встань на колени. – Юноша безмолвно повиновался. – Так нужно, терпи.

Тёплая струйка крови потекла под кольчугу. Фальшивая рана для настоящей жизни...

Караванщики нашли его на рассвете, уткнувшегося лицом в грязь у дороги. Он лежал в луже запёкшейся крови, его доспехи были изуродованы, лицо – мертвенно-бледным.

– Святой Георгий... – прошептал погонщик, крестясь. Он осторожно перевернул тело. Глаза юноши открылись – мутные, полные немого ужаса. – Он жив! Это чудо, братья! Само чудо!

Константинополь встретил «выжившего» сына лорда Альфреда траурным звоном колоколов. Император Алексей был глубоко опечален гибелью друга. Но вид Ричарда – израненного, но живого – утешал его печаль.

Хотя... что-то резало взгляд. Император, вышколенный годами интриг, уловил перемену.

Однажды, бродя с юношей по залитым солнцем дворцовым садам, среди мраморных нимф и шелеста кипарисов, он остановился.

– Ты... изменился, Ричард, – тихо сказал Автократор, его пальцы невольно сжали ветвь розы. Шип впился в кожу, но он не заметил. – Глаза... они стали другими.

Ричард замер. Сердце колотилось, как пойманная птица. Он заставил губы сложиться в привычную горечь, голос – звучать с надломом:

– Всё изменилось, Ваше Величество. – Он посмотрел на фонтан, где вода била в небо, лишь чтобы упасть обратно. – Раньше я верил... Бог не пошлёт испытаний не по силам. Но без отца... – Голос дрогнул – искусно? Или по-настоящему? – Я словно драккар... потерявшийся в далеком море.

Император долго смотрел на него. Взгляд – тяжёлый, пронизывающий. Что-то чужое сквозило в этом юноше. Небольшое пятнышко иной глины в знакомом сосуде. Но горе оправдывает многое... Алексей вздохнул, отпустил розу. Капля крови проступила на пальце.

– Твоя сила – в памяти о нём, – промолвил он, отводя взгляд. Сомнение утонуло в волне жалости. Потеря отца в юности... Кто знает, какие шрамы она оставляет на душе?

Так юный убийца из Аламута проник в самое сердце Византии. Он не играл роль. Он врос в неё. Как плющ в каменную кладку. Ненависть к туркам горела в его речах жарче, чем у любого грека. Мечь за «отца» стала его плотью и кровью. Даже во сне он бормотал проклятия на языке врага. Искусство лицедейства было высшим даром фидаина. Но Исмаил... Ричард... пошёл дальше. Он стал пустотой, способной принять любую форму. Имя «Исмаил» стёрлось, как надпись на ветру. Остался только Ричард. Чужой сын. Верный палач. Идеальное оружие в шелковых перчатках придворного...

Глава 6: Тайны ордена Асасинов

Крепость Аламут, 1095 год

В подземелье, скрытом за водопадом, раскинулся дивный сад, выращенный на костях.

Юный фидаин, одурманенный опиумом, брёл меж цветущих деревьев, где полуобнажённые девушки кормили его виноградом, напевали тихие песни и шептали обещания.

– Рай... – он смеялся, хватая воздух. – Я вижу его!

Тёплый ветер, запахи цветов, нежные руки... Всё было слишком реально, чтобы быть сном.

Но когда наркотик отпустил, он очнулся в сырой казарме. Грубая солома вместо шёлковых подушек. Запах пота и оружейного масла вместо благоухающих роз.

Над ним склонился Хасан ибн Саббах.

– Имам показал тебе рай, сын мой, – его голос был тих, но властен. – Теперь стань его достоин...

Юноша закрыл глаза, чувствуя, как дрожь охватывает тело. Теперь он знал, ради чего нужно умереть...

Ясир, младший сын Хасана, сидел в подвале, освещённом слабым светом свечи. Дрожащими пальцами он поднёс к губам бутылку вина.

– Запретный плод... – прошептал он и сделал осторожный глоток. Горечь обожгла горло. Он сжал зубы, словно ожидая, что небеса разверзнутся и поразят его молнией.

Но ничего не произошло.

– Почему ты запрещаешь то, что сам используешь, отец?.. – Ясир улыбнулся и сделал ещё один глоток.

Дверь резко распахнулась, свеча задрожала, разбрасывая тени по стенам.

В проёме стоял Хасан. Лунный свет, падающий с решётчатого окна, делал его лицо бледным, почти призрачным.

– Ты знал... – Ясир усмехнулся, но его пальцы дрогнули, разливая вино по камням. – Ты всегда знаешь...

Голос Хасана был спокоен:

– Наказание очищает душу.

Он сделал едва заметный жест стражникам:

– Соберите фидаинов...

Зал Правосудия, Аламут.

Воздух здесь всегда был ледяным, будто выдолбленным из глыбы вечного горного льда. Высокие, голые стены из черного базальта поглощали свет редких факелов, чьи языки металлись, как призраки, отбрасывая гигантские, пляшущие тени. Ковры под ногами – густые, кроваво-красные – глушили шаги. В центре зала, на голом камне, стоял на коленях Ясир, младший сын Хасана. Его плечи тряслись, лицо было мокрым от слез, но рот сжат в упрямую полоску – вызов или отчаяние?

Хасан ибн Саббах восседал на простом каменном троне. Его лицо, освещенное снизу вверх колеблющимся пламенем, напоминало маску из старого воска – ни морщинки не дрогнуло. Он смотрел на сына долгим, тягучим взглядом, словно взвешивал не его вину, а нечто большее. Затем, едва заметно, Старец Горы склонился к Зарифу, своей бесшумной тени в черных одеждах и шемаге. Губы Хасана шевельнулись беззвучно. Зариф, стоявший как изваяние у подножия трона, лишь едва кивнул.

Тишина стала абсолютной, звенящей. Даже пламя факелов казалось замершим.

Зариф двинулся. Не шагнул – поплыл, бесшумно скользя по кровавым коврам. Его чёрный силуэт отделился от стены и накрыл Ясира, как крыло гигантской птицы. Юноша вздрогнул, инстинктивно вжал голову в плечи, но не поднял глаз. Он ждал приговора, слова, удара плети... Но не этого.

Зариф остановился в шаге. Его левая рука медленно, почти ласково, легла на темя Ясира, как бы успокаивая. Правой же он вытянулся вдоль тела, и из складок его плаща блеснул узкий клинок даабии. Ясир на миг расслабился под прикосновением...

Взмах!

Быстрый. Резкий. Как молния, бьющая в тишине. Не удар – точное движение, словно жнец срезающий колос. Шипящий свист стали, рассекающей воздух.

Хриплый, обрывающийся крик Ясира. Он сорвался с губ уже после того, как голова отделилась от плеч. Тело вздрогнуло, задержалось вертикально на коленях на судорожное мгновение – будто не веря в конец. Потом обрушилось на плиты с глухим, мокрым стуком, как мешок с зерном. Голова же покатила по камню, тупо постукивая, и остановилась лицом вверх. Глаза были широко открыты, в них застыло недоумение, смешанное с детским ужасом. Алая струя хлынула из шеи, шумно ударив о камень и мгновенно растекаясь широкой, блестящей лужей по серому камню, касаясь края ближайшего ковра.

Зариф стоял неподвижно. Его клинок, чистый и сухой, был уже спрятан. Лишь единственная капля крови, ярко-алая на ослепительно белой шёлковой бахrome его пояса, медленно расплзлась в темное пятно. Он медленно, с отвратительным шоркающим звуком, вытер клинок именно об это пятно, как бы стирая само свидетельство удара. Шорк... шорк... Звук казался невыносимо громким в гробовой тишине.

Фидаины, человек двадцать, стоявшие вдоль стен, вжали головы в плечи еще глубже, их взгляды приковались к трещинам между плитами пола и не смели скользнуть к месту казни. Не все удостоились присутствовать – лишь избранные, те, чьи души уже были выжжены дотла в горниле послушания.

Лишь Али, старший сын Хасана, стоявший у самого трона, замер. Его лицо, обычно сдержанное, исказилось гримасой неверия и первобытного ужаса. Глаза, широко распахнутые, метались от откатившейся головы брата к луже крови, к неподвижному телу, и наконец – к неподвижной фигуре отца на троне.

– Ты убил его... – Голос Али сорвался на шепот, полный надрыва. – Ты убил собственного сына! – Теперь он кричал, впиваясь взглядом в лицо Хасана, пытаясь найти хоть искру... чего угодно. Но тот был спокоен, как высеченная из горы глыба. Лишь глаза – две чёрные бездны – смотрели сквозь него.

– Он нарушил закон, – сухо, как скрип пересохшего пергамента, прозвучал голос Старца Горы. – Он пил вино. Он был слаб.

– Слаб?! – Али шагнул вперёд, его кулаки сжались. – Твои слуги травят людей опиумом! Они морочат головы нашим братьям сказками про рай, где разгуливают блудницы! А мой брат... всего лишь выпил вина! Где же твоя справедливость, отец?!

Хасан медленно, словно против величайшей тяжести, поднялся с трона. Его тень взметнулась по стене, накрыв группу фидаинов, те непроизвольно отшатнулись. Голос зазвенел сталью, обнажённой на морозе:

– Ты переходишь черту, Али.

Али горько усмехнулся, стиснув зубы до скрежета:

– Я перехожу? Ты пересёк её давно, превратив нас – своих сыновей! – в послушных рабов! В тупое орудие твоей безумной власти! – Его голос гремел под сводами. Фидаины затаили дыхание, переглядываясь краем глаз. – Ты скупаешь сирот, калечишь нищих, у которых нет выбора! Они служат тебе из слепого страха, боясь даже подумать, что служат не «бессмертному» имаму, а хитрому, жестокому старику в горной клетке! Но я... Я НЕ БОЮСЬ!

Лицо Хасана побелело, как мел. Казалось, мороз тронул его кожу.

Али сделал шаг назад, инстинктивно, но презрительная усмешка искривила его губы:

– На самом деле... ты – трус! Ты шлѐшь других на смерть, а сам трясе́шься в своей неприступной берлоге! Боишься шагнуть за ворота! Прикрываешься волей имама, который никогда не являлся тебе! Ты построил культ лжи!

После этих слов несколько учеников, боясь поднять глаза на Хасана, нервно сглотнули. Тишина стала гробовой, давящей.

Их учитель, сгорая от ярости, посмотрел на Зарифа, указывая на сына дрожащим пальцем:

– Где был ты, когда войны Мелик-шаха осаждали эти стены? – Взревел Али, делая яростный шаг вперѐд. Его кулаки сжались так, что побелели костяшки. – Почему не вышел и не показал пример, как нужно умирать за веру?! Почему...

Свист!

Быстрее змеино́го удара. Зариф сделал один шаг, один взмах. Изогнутый клинок блеснул в тусклом свете, разрезая воздух с коротким шипящим звуком. Голова Али отделилась от плеч. Странно легко. Тело замерло на мгновение, потом обмякло, рухнув тяжело рядом с телом брата. Голова ударилась о камень с глухим, мерзким стуком, покати́лась по плитам, оставляя алый след, и замерла лицом вверх. Глаза были широко открыты, в них застыло изумление, а не ужас. Прямо перед ступенями трона.

Медленно, с немим ужасом, как под гипнозом, фидайны подняли головы. Их взгляды скользнули от головы к телу, от тела к Хасану.

Старец Горы отвернулся. Он смотрел в глухую стену, в чѐрный базальт, будто ища там ответа. Его спина, всегда прямая, сторбилась на миг.

– Бросьте его тело псам, – его голос был ровным, но глаза горели лихорадочным блеском. – Тот, кто хулит свою веру, не достоин могилы...

В этот момент в его душе рухнуло что-то важное.

Но он не мог позволить себе слабость.

Никогда.

Он выпрямил спину, взгляд снова стал пустым и всевидящим, устремлённым в дальнюю точку за стенами зала. Только капелька крови Али, незаметно попавшая на мантию у его ног, медленно растекалась по дорогой ткани, впитываясь в узор, как слеза, которую никто не видел...

Рождение легенды

Слуги привели в покои Хасана его двойника.

Бедуин, одетый в белоснежные одежды Старца Горы, стоял перед ним с затуманенным взглядом. Опий уже делал своё дело.

Хасан наблюдал за ним в течение долгой минуты.

– Ты будешь мной.

Бедуин молчал. Его губы чуть шевельнулись, но слова не родились.

Слуги повели его в сторону. Хасан поднялся и направился к скрытому коридору, ведущему в подземные залы.

Через несколько мгновений дворец охватил оглушительный гул толпы.

– Старец Горы! – кричали они. – Старец Горы!

Хасан не видел, но знал, что происходит.

Его двойник вышел на балкон. Толпа встретила его восторженными возгласами. Он поднял руку – и в этот момент слуги, прятаящиеся в темноте, незаметно поднесли огонь к его одежде, пропитанной горючими смесями.

Пламя вспыхнуло моментально.

Бедуин издал крик – не от боли, он даже не понимал, что с ним происходит. Его сознание тонуло в дыму и опиумном тумане.

Люди застыли в ужасе, глядя, как их предводитель пылает, как жертвенный огонь.

Когда огонь утих, на балконе осталась лишь обугленная фигура, медленно оседающая на каменный пол...

И тут – тишина.

Настолько абсолютная, что в ней можно было услышать трепет свечей в окнах крепости.

И в эту тишину вышел он.

Настоящий Хасан.

Тот же самый облик. Та же одежда. Но живой.

Свет ламп вспыхнул за его спиной, словно подтверждая чудо. Он медленно поднял руки. Его лицо было спокойно, словно он вернулся из далёкого сна, а голос звучал, как голос мессии:

– Не бойтесь, мои верные. Аллах дал мне власть над смертью.

Толпа на мгновение замерла. Затем раздался рёв!

Люди бросались на землю, протягивали руки к нему, выкрикивали:

– Аллаху акбар!

– Великий Старец Горы! – Он избранный! Он бессмертный!

Некоторые плакали, некоторые смеялись в экстазе. Кто-то рвал на себе рубаху. Кто-то упал в обморок.

Один старик вырвал нож и пронзил себе грудь, желая последовать за своим владыкой. Его тело рухнуло у подножия башни. Но крики восторга заглушили стоны.

Фидаины смотрели на своего повелителя, и их вера становилась крепче железа.

А те, у кого ещё оставались сомнения, держали их при себе.

С той ночи ни один рядовой воин ордена не смел усомниться в том, что Хасан ибн Саббах имеет власть над смертью.

Глава 7: Крестовый поход бедняков

Константинополь 1096 год

– Тебе удалось вложить в их сердца то, что мы задумали? – Голос был ровным, без эмоций, как стук камешка по льду. Амин аль-Баср не обернулся.

Ричард стоял у порога, спина прямая, но пальцы невольно сжались за спиной. Тень от низкого потолка ползла по его лицу, скрывая истинное выражение.

– Да, господин. – Ответ прозвучал чётко, но беззвучное эхо замерло в углах.

Амин медленно развернулся. Его глаза, тёмные и пронзительные, как шилья, скользнули по своему шпиону – от пыльных сапог до напряжённых мышц шеи. Будто выискивая трещину в доспехах.

– Весьма хорошо... Ричард! – Он произнёс имя с лёгким шипящим оттенком, словно пробуя его на вкус. Уголки губ едва дрогнули в подобии улыбки. – Старец будет... доволен. – Пауза. Он сделал один бесшумный шаг вперёд, аромат амбры и сандала обволол Ричарда, тяжёлый и сладковатый, как запах тропического цветка над болотом. – Но помни: дебют сыгран. Теперь мы дирижируем оркестром варваров. Они должны вымести турок, как сор... – Его палец резко провёл по воздуху, словно смахивая невидимый мусор. – ...но не должны окрепнуть. Никогда. Понимаешь?

Он замолчал, впиваясь взглядом в глаза своего протеже. Тишина сгустилась, нарушаемая лишь далёким гулом города и треском фитиля в коптящей медной лампе на столе.

– Как только мечи франков исполнят свою работу... – Амин понизил голос до опасного шёпота, – ...вбей клин, между ними и хитрыми греками. Пусть грызутся за золото, за земли, за тень власти... Пусть ослабляют друг друга. Ты справишься? – Последнее слово прозвучало как вызов.

Ричард вскинул подбородок. Тень сомнения скользнула в глазах, но была мгновенно подавлена.

– Не беспокойтесь, господин. – Голос металлически ровный. – Ненависть латинян к грекам стара, как эти стены. Доверие между ними тоньше паутины. Разжечь ссору в нужный момент – детская забава.

Амин замер на мгновение, потом кивнул – коротко, как удар топора.

– Аллах... благосклонен к нам. – Он махнул рукой в сторону двери, завершая аудиенцию. – Иди. Омар найдёт тебя. Когда придет время.

Ричард глубоко поклонился. Но на пороге замер. Не оборачиваясь, тихо, почти неслышно спросил:

– Господин... могу ли я... повидать матушку?

Тишина. Только фитиль лампы зашипел громче. Амин не шевелился. Казалось, он превратился в статую из слоновой кости. Затем – едва заметный жест:

– Конечно. Она у себя...

Свидание с «матерью»

Дом Лейлы притулился под огромной полуразрушенной аркой, его покосившаяся дверь едва держалась на проржавевших петлях.

Ричард прислушался. Тишина. Только где-то плакал ребенок да скрежетал флюгер на крыше. Он мягко толкнул дверь. Дребезжащий скрип рванул ночную тишину, громкий, как вопль. Сердце его ёкнуло.

Внутри царил полумрак, нарушаемый лишь дрожащим оранжевым светом масляной лампы-ночника. Свет выхватывал нищенскую обстановку: грубый деревянный стол, две плетёные циновки на земляном полу, ветхий сундук. На одной из циновок, склонившись над потрё-

паннами лоскутами ткани, сидела Лейла. Тонкая, как тростинка, спина её сгорблена. Пальцы, исчерченные прожилками и работой, механически перебирали шерсть.

Шаги. Она вскинула голову. Свет лампы упал на её лицо – измождённое, с глубокими морщинами усталости, но глаза... Глаза вспыхнули – слепящим светом радости, смешанной с невыразимой болью.

– Исмаил! – Шёпот сорвался с её губ, хриплый, полный невероятного облегчения. Слёзы мгновенно заполнили глаза. Она не произнесла ни слова больше – вскочила с неожиданной ловкостью и бросилась к нему, обвивая руками, вцепляясь пальцами в его плащ, прижимаясь щекой к его груди. Дрожь её тела передалась ему. – Слава Аллаху! Слава Милостивому! Мои молитвы, мои слёзы... они достигли небес!

Ричард замер. На миг всё внутри сжалось. Тепло её тела, знакомый запах хлеба и мяты в её волосах... Он почувствовал прилив чего-то острого, чужого его роли. Рука его медленно, неуверенно приподнялась, коснулась её хрупкой спины.

– Матушка... – его голос сорвался, неожиданно мягкий, надтреснутый. – Я... ненадолго. Никто не должен видеть...

Лейла чуть отстранилась, не выпуская его рук. Её ладони, шершавые от работы, сжали его пальцы. Взгляд её, полный материнской любви, впивался в его лицо, ища знакомые черты, выискивая изменения. Беспокойство сморщило лоб.

– Исмаил... – её шёпот стал тревожным, пронизывающим. – Что ты... сделал? Куда вязался? Твои глаза... в них тень. Большая тень, сынок. Серьёзные дела? Опасные?

Ричард отвёл взгляд, сконцентрировавшись на трещине в глиняной стене. Голос его, когда он заговорил, снова приобрёл ровность, но искусственную, натянутую:

– Матушка... сложно сказать... Господин доверил важное дело. Отказаться... нельзя.

Лейла глубоко вздохнула. Звук был усталым, покорным, словно сдавалась перед неотвратимым. Её пальцы коснулись его щеки – лёгкое, дрожащее прикосновение.

– Пусть Милосердный хранит тебя, дитя моё. – Слёзы покатались по щекам, оставляя блестящие дорожки в пыли. – Ты... всегда мой свет. Единственный. Даже в самой чёрной ночи...

Ричард сжал её хрупкую руку в своей. Сильнее, чем нужно. Сердце стучало глухо, как барабан под толщей земли.

– Молись... – выдохнул он. – Молись усердно. Я... вернусь.

Лейла кивнула, губы её дрожали, сжимаясь в беззубую улыбку надежды и беспомощности. Она не отпускала его руку, пока он медленно не высвободился, отступая к двери. Он не оглянулся. Шагнул в поглощающую тьму ночи. Дверь скрипнула, закрываясь за ним. Лейла замерла в круге дрожащего света лампы, слушая, как его шаги затихают в дальних переулках. Единственный огонёк в её клетушке казался крошечным, уязвимым островком в огромном, безразличном море ночи...

Разбитые судьбы

Ричард рассчитывал, что на Восток отправятся лишь закалённые воины – аристократы и их дружины. Но его планы не оправдались.

После проповеди Папы Урбана в Клермоне по всей Европе начали раздаваться призывы к крестовому походу.

Особенно ярым проповедником был французский монах Пётр Пустынный, чья ревность к вере разжигала толпы. Он говорил не с князьями, а с крестьянами – с теми, у кого не было ни земли, ни надежды...

Франция, 1096 год

Пожилой монах взобрался на телегу. Его ряса, пропитанная потом и пылью, сливалась с сумеречным небом.

Толпа оборванцев замерла, замороженная огнём в его глазах.

– Господь избрал вас, нищих духом! – Его голос рвал тишину, как топор кору. – Он поведёт вас в землю, где молоко струится реками, а хлеба растут выше головы!

Старуха в первом ряду упала на колени, сжимая образок. За ней завывали остальные – звук, похожий на вой голодных псов.

– Возьмите косы! – Пётр сорвал с телеги ржавый серп и взмахнул им. – Ваше оружие – вера!

Мальчишка лет десяти, худой как тень, поднял камень:

– Отец Пётр, а если у меня нет косы?

– Камень тоже свят, – монах улыбнулся. В его улыбке горел фанатичный восторг...

Толпы людей, ведомые мечтами о святой земле, устремились в поход.

Они не были солдатами. Они не умели сражаться.

Они верили, что Бог сам поведёт их к победе.

Но они были голодны. И не собирались погибать от голода...

Толпа двигалась, как чума. Они ели кору, глодали копыта павших лошадей.

Когда вдали показалась деревня, женщина с младенцем у груди выкрикнула:

– Евреи! Они отравили колодцы!

Дома вспыхивали один за другим.

Мужик в рваном плаще тащил мешок муки, обливаясь слезами:

– Прости, Господи... мои дети голодают...

Рядом подросток бил топором по двери синагоги:

– Золото! Они прячут золото Христа...

Когда этот хаос достиг пределов Византии, император Алексей пришёл в ярость.

– Эти дикари несут разруху! – гневно воскликнул он, входя в кабинет Исаака и бросая на стол донесение о погромах. – И они уже в Греции!

Алексий повернулся к брату, ожидая его реакции.

Но севастократор, как всегда, оставался спокоен и прагматичен.

– Нужно встретить их у берегов Диррахии, погрузить на дромоны и отправить напрямик к туркам за Босфор.

– Так и поступим, – заключил император, ударив кулаком по крышке дубового стола...

Анатолия, лето 1096 года

Ночью, когда дромоны императора высадили крестьянскую армию на анатолийский берег, простолюдины сгрудились у костров, дрожа от холода. Они ждали чуда. Они ждали, что Бог подскажет им, куда идти.

Но утром вместо чуда пришёл спор.

– Святой Пётр укажи нам путь! – выкрикнул один из монахов, высокий лысый человек с просветлённым взглядом. Его звали отец Ансельм, и он был столь же фанатичен, как и сам Пустынник. – Наш путь – Иерусалим! – воскликнул Петр.

– Нет! – оборвал его румяный здоровяк в изношенной кольчуге, бывший наёмник по имени Тибо. – Турки рядом, а у нас ни припасов, ни брони! Надо сперва захватить Никею!

– Никея? – зло бросил Ансельм. – Что нам до неё? Это не Святой город!

Тибо повернулся к толпе:

– Слушайте меня! Если мы возьмём Никею, у нас будет еда, оружие и крепость! Мы сможем продержаться и ждать рыцарей!

Люди заволновались. Кто-то кивнул. Кто-то закричал:

– Да, Никея!

Пётр Пустынный поднял руки.

– Никея слишком большой город, не нужно тратить на него силы! Чтобы раздобыть припасы, лучше захватить одну из прибрежных крепостей!

– В крепостях слишком мало еды, чтобы прокормить всех! Кто идёт со мной? – громко спросил Тибо.

Толпа раскололась.

Часть людей – в основном бывшие солдаты пошли за Тибо. Их было около семи тысяч.

Остальные, включая женщин и детей, остались с Петром и Ансельмом.

– Мы идём к прибрежной крепости Ксеригордон! – воскликнул Пётр. – Турки не ждут нас. Там источники, еда... Бог укажет путь!

– Бог укажет путь! – подхватила толпа.

Они ушли...

Три дня спустя...

Жара выжигала землю, словно проклятие с небес.

Флаг с крестом развевался на стенах захваченной крепости Ксеригордон. Первые дни после победы Пётр и его люди пировали, радуясь удаче. Они захватили турецкий гарнизон врасплох, вырезали всех, ели вяленое мясо и пили чистую воду, веря, что Бог благословил их.

Но на четвёртый день появились турки.

Сотни всадников, обагрённых зноем и песком, окружили крепость. Их вёл жестокий султан Кылыч-Арслан.

– Замуровать их в крепости как в могиле, – коротко бросил он своим воинам.

Турки не стали штурмовать стены. Они просто отрезали воду.

На пятый день крики жажды разносились по двору крепости, словно призраки.

На седьмой – люди начали умирать.

На восьмой – кто-то перерезал себе горло, кто-то пил кровь умирающих.

На десятый день Пётр уже глубоко сомневался в своём пути.

Сидя в углу, он смотрел на крест в дрожащих руках. *Где Ты?...*

Перед ним встал его последним верный последователь – щуплый молодой сквайер по имени Гийом.

– Отец, – Гийом сглотнул, глядя на предводителя крестьянской армии со страхом. – Мы должны что-то делать...

Пётр смотрел на него потухшим взглядом...

Внизу, под стенами, уже бушевал турецкий пир. Те, кто были пойманы, пытаясь бежать, были поставлены на колени. Над Ксеригордоном кружили коршуны, предчувствуя добычу.

Турецкий командир, высокий воин в кольчужном хауберке, поднял руку:

– Кто примет истинную веру, кто скажет: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – его пророк», обретёт жизнь... Или все вы погибните как те безумцы, что пришли штурмовать наш город с косами и вилами!

Среди турецких солдат прокатился смех!

На песчаном холме, в тени алого шатра, сидел Кылыч-Арслан, его тёмные глаза внимательно изучали жалкие остатки армии оборванцев, что осмелилась бросить ему вызов. Слуги, вооружённые хлыстами, держали пленных в строю, наблюдая, как те падали от слабости.

Толпа молчала. Грязные, обессиленные лица цеплялись за последние остатки веры, но для кого-то страх смерти был сильнее веры.

Один из пленников зашевелился.

Готье Голодный, бывший мясник из Руана, шатаясь, поднялся. Его ноги едва держали его грузное тело! Еще недавно он шёл на восток с топором на плече, мечтая о добыче и славе. Теперь его глаза метались в панике.

– Я... я отрекаюсь! – внезапно завопил он, поднимая руки. – Аллах Акбар!..

Из-под шатра донёлся смешок. Султан лениво поднялся, шагнул вперёд.

– Приведите его. Он будет моим псом.

Готье вытащили из строя. Двое воинов подхватили его за руки. Один из солдат пинком под колено повалил его в песок, другой ловко защёлкнул на его шею кандалы.

– Пёс должен знать своё место, – усмехнулся командир.

Готье привязали к телеге за шею, как собаку. Толпа турок разразилась смехом. Один из них полил немного воды из кувшина ему на лицо.

– Пей пес! – Готье жадно глотал остатки воды, оставшиеся в его ладонях.

Другой солдат, швырнул ему кусок гнилого мяса.

– Ешь, если голоден!

Тот уставился на него, сжав кулаки, но голод взял своё. Он упал на колени и, давясь, вцепился зубами в кусок.

Войны султана снова рассмеялись.

Один из пленных прошептал:

– Предатель... Он сгинет в аду! —

Это был Ансельм. Его рваная одежда прилипла к телу, губы растрескались от жажды, но взгляд оставался тверд.

Кылыч-Арслан обвёл взглядом остальных пленников.

– Никто больше не хочет спасти свою жалкую жизнь?

Больше никто не встал. Ансельм вскинул вверх руки:

– Братья! Вот и наше избавление, от этого нечестивого мира. Ни будем более ни алкать, ни жаждать, ни страдать от несправедных в веке сем. Слава тебе Господи! Благодарю Тебя!

Его глаза горели радостным восторгом, что смутило султана:

– Что он сказал? – спросил султан у солдата переводчика.

– Молится своему богу, – коротко бросил тот.

Султан медленно кивнул:

– Тогда пусть с Ним встретится!

Он махнул рукой.

Мечи засверкали в солнечном свете...

Пётр тяжело выдохнул.

– Уходим.

– Как? – Гийом дрожал от увиденного. Из обезглавленных тел под стенами крепости, все еще сочилась кровь.

– Там, – Петр кивнул в сторону. – Внизу есть ручей. Там может быть лодка...

Они спустились ночью. В темноте их едва не схватил турецкий патруль, но Пётр нашел камень и ударил одного по голове.

– Там дальше, еще один. – всхлипнул Гийом

– Молчи, – прошипел монах, затаскивая его в лодку.

Они оттолкнулись от берега и, дрожащие, скрылись в темноте...

Покои императора. Месяц спустя.

Когда Пётр, грязный, исхудавший, с красными от бессонницы глазами, предстал перед Алексием, император усмехнулся:

– Где твоя армия, святой отец?

Пётр рухнул на колени.

– Господь испытал нас...

– Нет, – холодно ответил Алексей. – Господь наказал вас за беззакония и разорённые вами деревни!

Монах молчал.

Автократор помедлил, затем устало махнул рукой:

– Уведите его. Пусть отдохнёт.

Когда Петра увели, Алексей повернулся к Ричарду.

– Вот и первый урок от латинян, – тихо произнёс он, смотря на пламя камина. – Они приходят, словно чума, сжигая всё на своём пути, и погибают из-за собственной глупости.

Ричард кивнул, но не ответил.

Он уже знал, что впереди их ждёт нечто куда более опасное, чем горстка голодных крестьян с косами.

Вскоре Константинополь ожидал прибытия истинных воинов Запада.

Настоящего крестового похода...

Глава 8: Главные герои похода

Южная Италия. 1096 год.

Ночь была тёплой, а каменные стены замка хранили запах вина, ладана и пота. В огромном зале горели факелы, бросая длинные тени на стены, где висели гобелены, трофейное оружие и шкуры зверей.

На массивном ложе, покрытом мехами, лежал Боэмунд Тарентский. Его крепкое тело поблёскивало от пота, а вокруг, словно кошки, лениво растянулись две молодые служанки. Одна, рыжеволосая, проводила пальцами по его груди, вторая, смуглая, касалась губами его шеи.

– Говорят, в Константинополе женщины нежнее, – прошептала рыжая.

– В Константинополе женщин нужно покупать, – усмехнулся Боэмунд, отпивая вино.

В этот момент створки дубовых дверей распахнулись с грохотом! В зал ворвался рыцарь, запыхлённый, взмыленный, глаза горели возбуждением.

– Дядя! – выдохнул он, не обращая внимания на женщин. – Срочные новости!

Боэмунд приподнялся на локте, с раздражением глядя на незваного гостя. Служанки прикрывшись простынями, поспешили к выходу.

– Танкрет... Ты вернулся, даже не поздоровавшись? Нехорошо.

Танкрет отмахнулся. Он был молод, с горящими глазами и горячей кровью норманнов.

– Ты слышал, что замышляют во Франкии?!

Боэмунд с ленивым интересом склонил голову.

– Говори.

– Папа Урбан собрал в Клермоне всех князей и объявил поход на Иерусалим! – Танкрет почти кричал. – Он обещает всем, кто отправится в Святую землю, отпущение грехов, славу и земли!

Боэмунд хмыкнул, откидываясь на ложе.

– Неужели... И рай и земли?

– Они даже не позвали нас! – Танкрет ударил кулаком по столу, опрокидывая кубок. – Он говорит, что поход организован *в союзе с императором Алексием!* Этот трусливый папа в кармане у греков!

При упоминании Константинополя Боэмунд усмехнулся, но в глазах вспыхнул хищный огонь.

– Они боятся нас, вот и не позвали, – сказал он, лениво поднимаясь с кровати. Его длинные белые волосы накрыли плечи.

– Так что же нам делать? – Танкрет стиснул кулаки.

Боэмунд подошёл к окну, глядя на пылающие факелы во дворе. В его глазах уже рождался план.

– Разве нам нужно приглашение, чтобы взять то, что мы хотим? – его голос стал хриплым от азарта. – Если эти глупцы идут в Иерусалим, мы пойдём с ними... но возьмем свое по дороге!

Танкрет настороженно нахмурился.

– Ты хочешь...

– Я хочу то, чего всегда хотел, племянник, – Боэмунд повернулся к нему. – Земли! Греческие города, римские крепости, золото Востока... Всё это будет нашим.

Он взял кубок, сделал глоток и ухмыльнулся.

– Собери норманнов, – Боэмунд хлопнул его по плечу. – Гаральда и таких же как он! Сильных, жадных и бесжалостных. Пусть псы папы идут за крестом. Мы пойдём за добычей...

Константинополь, осень 1096 года

Зал императорского дворца дышал величием. Лучи восходящего солнца, пронизывая витражные стёкла огромного окна, рассыпались по мраморному полу алыми бликами – словно кровь древних битв.

За окном, обрамлённым резным камнем с орнаментом двуглавых орлов, простиралась панорама Константинополя: массивные городские стены, подъёмные ворота с цепями, потемневшими от времени, и каменный мост через ров, ведущий к сердцу города.

Император Алексей стоял, сложив руки за спиной. Его взгляд был устремлён к воротам, в которые вскоре должны были войти латинские князья. Он медленно повернулся к Ричарду, стоявшему рядом.

– Ричард. Подойди.

Тот сделал шаг вперёд. Солнечный луч золотил его тёмные волосы.

– Знаешь, что грядёт. Графы... герцоги... их орды уже у наших ворот. Не союзники – буйные звери на поводке. Ты бывал среди них. Говоришь их наречиями. Знаешь их дикие нравы... их неумную алчность.

Алексий замолчал, посмотрел Ричарду прямо в глаза.

– Мне нужен человек *там*. Не только переводчик для наших людей. Но глаза и уши Империи. Рука, которая мягко направит... и предупредит. Отправляйся с ними. Будь моим живым мостом... и невидимым щитом. Ты готов к этому пути?

Ричард опустил голову. Его плащ, расшитый серебряными нитями, шевельнулся, будто живой.

– Ваше Величество. В Клермоне... я дал клятву. Идти с графом Раймундом было моим намерением. Теперь же... эта дорога служит и Господу, и Ромейской державе. Это великая честь.

Император кивнул. Повисла пауза.

Тишину разрезали шаги за дверью – мерные, словно удары сердца. Слуга в ливрее цвета киновари распахнул створки, впустив струю прохладного ветра. В проёме возник силуэт в чёрном, будто вырезанный из ночи. Его плащ – тёмный, тяжёлый и без украшений – струился по полу, как река Стикс.

Голову вошедшего покрывал капюшон, а лицо скрывала серебряная маска – гладкая, без щелей, с узкими прорезями для глаз, холодных, как лезвия. От неё веяло древним ужасом: казалось, под металлом таилось не лицо, а пустота, пожирающая свет.

Ричард сдержал вздох. Татикий! Магистр, серый демон Византии, редко покидал тени заговоров. Его титул шептали со страхом даже в тавернах – поговаривали, что за маской скрывается не человек, а дух, рождённый в пламени Никии.

– Ваше Величество, – прозвучал голос вошедшего. Низкий, металлический, лишённый малейшей теплоты или колебания. – Я явился доложить о мерах предосторожности. У наших стен кишит почти сто тысяч латинских воинов.

Император небрежно махнул рукой. Сапфир на его перстне бросил на пол короткую, ядовито-синюю искру.

– Не тревожься напрасно, – промолвил он с напускной лёгкостью. – Сегодня их вожди смиряют гордыню, войдут в город и падут ниц с вассальной клятвой. Их чернь останется за стенами.

Магистр даже не дрогнул. Безликая маска медленно повернулась к окну, ослепительно отражая солнечный свет – словно второй, бездушный лик солнца.

– Ваше Величество, я давно отвык верить и сладким словам латинян, и их лживым клятвам. По моему приказу уже собраны десять тысяч «Бессмертных». Они рассыпаны невидимой сетью вокруг их лагеря и притаились вдоль стен дворца.

Алексий на миг задержал на призраке взгляд, взвешивая: трезвая осторожность или тень безумия скользнула в его словах?

– Ты, как всегда, неутомимо предусмотрителен, Магистр, – наконец изрёк император, в голосе – смесь усталого одобрения и лёгкого раздражения.

Татикий бесшумно подошёл к окну, вновь спрятав руки за спиной, скрестив их. За высокими стенами ползли жирные струйки дыма от бесчисленных латинских костров.

– И ещё, Государь, – продолжил он тем же отстранённым, почти сонным тоном, словно говорил о погоде. – После церемонии эти «Бессмертные» последуют в обозе. Они призваны защищать интересы империи на чужой земле. Однако, зная нравы наёмников, нам следует умиловать их золотом – выдать хотя бы часть жалованья вперёд.

Император устало провёл рукой по бороде, где чёрная смоль волос отчаянно боролась с сединой, затем неохотно кивнул.

– Пусть будет так. Велю выделить требуемое из казны.

Татикий едва ощутимо склонил голову. Тень капюшона скользнула по стене.

– Признателен, Государь.

Щели маски неожиданно обратились к Ричарду. Холодный луч взгляда скользнул по нему, как нож по точилу.

– Сэр Ричард, молва о вашем искусстве дипломата бежит далеко впереди вас. Надеюсь, что вместе мы сумеем добиться, чтобы латиняне не только пали на колени с клятвой, но и встали с ней в сердце.

Черные глаза за серебром казались бездной, но Ричард встретил его взгляд, не моргнув.

– Магистр, я приложу все усилия, чтобы наши договорённости с ними остались не просто словами, – он слегка коснулся рукояти кинжала на поясе. – Рыцари креста получают то, за чем пришли, а Империя – то, чего достойна.

На мгновение в зале воцарилась тишина. Затем Татикий сухо кивнул.

– Что ж, надеюсь, слухи о ваших способностях не преувеличены.

Слова повисли в воздухе – холодные и острые. Татикий не стал ждать ответа. Он развернулся с неестественной, почти бесшумной плавностью, и его тяжёлый плащ взметнулся, как крыло гигантской ночной птицы, на миг поглотив свет. Беззвучной чёрной рекой он поплыл к дверям. Мерный шелест ткани по мрамору был единственным звуком, леденящим тишину зала. Ричард неотрывно следил за ним, чувствуя, как холодок скользит по позвоночнику. У самых дверей, не замедляя шага, Магистр словно растворился в полосе света из коридора – не вышел, а испарился, оставив после себя лишь внезапный озноб и ощущение, что в зал вошла сама Смерть... и так же бесшумно удалилась...

Въезд Латинских князей

Ветер с Пропонтиды ворвался в зал, смешав запах морской соли с дымом латинских костров.

Император Алексей стоял у массивного окна, заложив руки за спину. Его взгляд был устремлён на ворота, ведущие в город, и на длинный каменный мост, простиравшийся над рвом. На парапетах, под лёгкими порывами бриза, колыхались штандарты Византии.

Рядом с ним, слегка подавшись вперёд, стояли Исаак Комнин облачённый в пурпурную тогу, точь в точь как у императора, только немного бледнее и кесарь Никифор с лицом, изображенным шрамами битв при Диррахии.

Позади, в тени, как бесшумный страж, стоял Татикий, его серебряная маска безмолвно отражала солнечный свет.

– Они идут, – негромко сказал император.

Вдали, за воротами, послышался звук рогов. Тяжёлые створки начали медленно расходиться, открывая путь первым всадникам. Гулкий скрип металла по камню наполнил воздух, словно боевой рёв.

– Ричард, – Алексей повернул голову к послу. – Кто этот, первый?

Ричард, подошел ближе, внимательно взгляделся в выезжающую конницу.

– Гуго де Вермандуа, брат короля Франков, – ответил он. Внизу, на мосту, заскрипели оси колесницы.

– Полубог, поверженный Посейдоном, – добавил Татикий. Его маска ловила солнечные блики, превращая их в холодные иглы. – Из шести тысяч его людей уцелели четыре. Шторм у мыса Матапан выплюнул их, как кости мертвеца.

Гуго въехал на коне, покрытом попоной с лилиями. Его плащ, некогда алый, выцвел до розового, а лицо, обожженное соленой водой, напоминало старую пергаментную карту. За ним плелись рыцари в ржавых кольчугах. Один волок знамени с золотым геральдическим львом – мокрое полотнище хлопало на ветру, как умирающая птица.

– Благородный ублюдок, – проворчал Исаак.

– Ущербный лев – всё ещё лев, – добавил Татикий, не отводя взгляда от войска. – Даже если лапы подбиты...

Следом за Гуго, въезжал новый отряд.

– Готфруа Булонский, герцог Лотарингии, – продолжил Ричард, чуть прищурившись. – И его брат, Балдуин.

Готфруа ехал на вороном коне, его широкая грудь была покрыта кольчугой, длинные темные волосы покрывали плечи, а позади развевался белый плащ. Взгляд его был спокоен, движения уверены.

Балдуин, же казался полной противоположностью брата – стройный блондин с голубыми глазами и изящными манерами. Он переговаривался с рыцарями, кивая на толпу греков, собравшихся вдоль стен, с легкой презрительной улыбкой на лице.

– Готфруа выглядит как истинный король, – заметил Никифор, наблюдая за ним.

– Но королём он не станет, – бросил Татикий. – Он честен и слишком прямолинеен. Балдуин же – совсем другое дело...

Вслед за ними въехали новые всадники.

Граф Раймунд, в кольчужной броне, с крестом на груди, ехал с непоколебимой уверенностью. Справа от него, на белом коне, следовал епископ Адемар – высокий, седовласый, в пурпурной кардинальской сутане.

– Граф Раймунд Тулузский и папский легат Адемар, – Ричард слегка кивнул в сторону епископа. – Сердце армии, его слово...

– ...весит больше папской буллы, – перебил Татикий усмехнувшись.

– Раймунд ведёт самое большое войско среди всех латинян, более пятнадцати тысяч мечей, – продолжил Ричард.

– Но Адемар – пробормотал Татикий – истинный вдохновитель этой войны. Простолыдины уже видят в нём святого.

Ветер донёс аромат ладана – возможно, с того места, где латиняне совершали молитвы.

Следом по мосту проехали знамена Фландрии.

– Граф Роберт Фландрский, – представил его Ричард.

Рослый, с тёмными глазами, Его осанка излучала силу, но выражение лица было скорее доброжелательным.

– Выглядит дружелюбнее большинства, – заметил кесарь.

– У него горячее сердце, – возразил Татикий. – Но в нём больше мечтателя, чем полководца.

– А кто это следующий? – спросил император, указывая на смазливого франта на белом жеребце, чья грива была заплетена шелковыми лентами. Его зелёный плащ сливался с оливковыми рощами за стеной, а на шее красовался медальон с миниатюрой жены – дочери Вильгельма Завоевателя.

– Граф Стефан Блуасский, – ответил Ричард. – по слухам прирожденный дипломат.

– Шлюх, – поправил Татикий. – Он спит с врагами жены, чтобы она не узнала, с кем спит он. – Магистр вскинул руку: – Вон, смотрите – его супруга прислала ему новую броню. Миланская сталь... и шлейф любовников по всей Европе.

Стройный, с золотистыми волосами, Стефан приветливо махнул кому-то из греков, проезжая мимо. На публике он выглядел весьма благочестиво...

Дальше на каменный мост въехал ещё один князь, на гнедом коне, с длинными русыми волосами.

– Герцог Нормандии, Роберт. Сын легендарного Вильгельма. Говорят, он заложил Нормандию за серебро, своему брату, королю Англии.

– Он заложил Нормандию за славу, – поправил Татикий. – Роберт хочет, чтобы в песнях его имя стояло рядом с отцом... даже если для этого придется сжечь Иерусалим.

– Безрассудный поступок, – процедил Исаак, покачав головой.

– Но достойный рыцаря, – добавил Ричард.

Наступила тишина...

Вдали показалось новое знамя. Греческие офицеры, стоявшие у ворот, напряглись. Знамя колыхнулось, будто живое существо, пробивающееся сквозь толщу времени. Полотно было кроваво-алым – цвет, в котором византийцы видели знак императорской власти. На нем чернел символ, заставивший греческих офицеров у ворот схватиться за нательные кресты: двуглавый орел, но не византийский, священный, а искаженный, перерожденный.

Одна голова птицы была обрамлена норманнским шлемом с наносником, другая – увенчана короной с отсутствующим кристаллом, будто вырванным зуб. В когтях орел сжимал не скипетр и державу, а меч и раскрытый свиток с надписью на латыни: «VICTORIA AUT MORS» – «Победа или смерть». По краям знамени вились змеи, их пасти были разинуты в немом рыке.

Ричард глубоко вдохнул:

– Боэмунд, герцог Тарентский... – Он произнес это так, будто выплевывал отраву. Его пальцы непроизвольно сжали рукоять кинжала.

– Смотрите, его герб – насмешка над вашим двуглавым орлом, государь. – взволнованно произнес кесарь Никифор.

Алексей стиснул зубы, чувствуя, как холод пробирает грудь. Этот норманн – змея, которую он сам впустил в Константинополь

Высокий, с ледяными глазами, Боэмунд ехал медленно, словно наслаждаясь тем, как его фигура отражается в глазах византийцев. За ним – его верный племянник Танкред, мощный, угрюмый, и кузен Гарольд, прозванный Свирепым, чьи светлые косы сверкали в лучах солнца.

Боэмунд въехал, держа в руке не меч, а ветвь оливы. Толпа заахала, Исаак фыркнул:

– Грязный лицемер!

– Жест для летописцев. По пути его люди выжгли три деревни под Филиппополем. – Татикий повернулся к императору. – Наверняка они уже торгуют византийскими рабами в Барри.

Император сжал кулаки.

Боэмунд остановился под самым окном. Поднял голову. Улыбнулся. И плюнул на землю, точно помечая территорию.

Толпа ахнула. Кто-то из греков закричал: «Собака!» – но тут же умолк, сражённый взглядом Танкреда.

Алексий знал, что это – вызов. Он смотрел на своего врага. На несколько секунд их взгляды встретились. Их взаимную ненависть казалось почувствовали все!

– Этот поход станет шахматной партией, – тихо произнёс кесарь Никифор. – И я не уверен, что мы сделали первый ход.

– Пора заканчивать этот спектакль! – император раздраженно ткнул чашу с вином на стол, по дубовой поверхности разлетелись алые капли. – Пусть приносят свои клятвы, и завтра же отправляются в турецкое пекло...

Он в возбуждении зашагал к дверям – Пока я сам не вышвырнул их туда! – добавил он на ходу.

Где-то внизу заржал конь, и железо тысячами голосов запело свою песню...

Глава 9: Присяга императору

Курьез у трона

Трон императора был установлен прямо в соборе Святой Софии. Высокие колонны из тёмного мрамора уходили ввысь, поддерживая расписной купол, где в свете свечей мерцало золотое сияние ликов святых. Под ногами, на полированных плитах, отражались языки огня от множества светильников. Воздух был насыщен ароматами ладана и лёгким привкусом сырой меди – запахом древности и власти.

Перед пустым императорским троном, обитым пурпурной тканью и украшенными резными львиными головами, стояли латинские князья. Они переглядывались, ожидая императора, и переговаривались в полголоса. Напряжение висело в воздухе – каждый чувствовал себя чужаком в этом положении.

Вдруг Гарольд Свирепый, широкоплечий норманн с грубой бородой и заплетёнными в косы волосами, шагнул вперёд. Его губы растянулись в дерзкой ухмылке. Он оглядел зал, как бы проверяя, заметил ли его выход, и с нарочитой небрежностью плюхнулся на императорский трон. Деревянная рама скрипнула под его весом, золотые украшения на подлокотниках блеснули в свете свечей.

Зал замер. Рыцари загудели, кто-то невольно отступил назад. Только Боэмунд и Танкред переглянувшись усмехнулись!

Этьен де Лавейя, стройный провансалец с острым взглядом и точеным прямым носом, ближайший соратник графа Раймунда, двинулся вперед. Его лицо покраснело от возмущения, руки сжались в кулаки.

– Ты сошёл с ума? – вскрикнул он. – Встань немедленно!

– А что? – Гарольд лениво наклонил голову. – В этом зале так скучно... Ни вина, ни женщин, ни даже доброго морского ветра! Я хотя бы проверил, удобен ли этот престол.

Возмущённый гул прокатился по залу.

– Встань! – голос Раймунда прозвучал глухо, но в нём ощущалась угроза. Его тяжёлая рука легла на рукоять меча. – Или мой меч заставит тебя это сделать.

Готфруа Булонский шагнул вперёд:

– И мой тоже! Не позорь нас перед императором.

Их голоса звучали твёрдо, Гарольд приподнял бровь. Он оглядел Раймунда и Готфруа, затем ухмыльнулся, подмигнув Танкеру:

– Вижу, здесь даже королевские сыновья покорны, как овцы.

Он закатил глаза, но всё же поднялся с трона, разведя руками с наигранным сожалением.

– Ладно, ладно, не кипятитесь. Я просто хотел немного разрядить обстановку.

В этот момент тяжёлые дубовые двери зала с грохотом распахнулись. Все обернулись. В проёме появился император Алексей Комнин, его пурпурный плащ струился за спиной, шурша по полу.

За ним следовала свита: Ричард с пергаментом в руках, севастократор Исаак с суровым взглядом, кесарь Никифор, Магистр Татикий в блестящей серебряной маске и двое варягов-личных телохранителей императора, их огромные фигуры выделялись среди византийцев.

Позади всех неспешно шагал патриарх Николай с двумя клириками, несущими массивный золотой крест. Их шаги гулко отдавались от мрамора.

Император остановился. Его брови слегка приподнялись, когда он заметил Гарольда, стоящего рядом с тронном.

– Мы что-то пропустили? – спросил он, оглядывая рыцарей!

Норманн пожал плечами, на его лице всё ещё играла тень улыбки.

– Я всего лишь хотел повеселить публику, – Гарольд вновь развёл руками. – А то в этом зале так скучно. Ни яств, ни вина, ни женщин...

– Шут! – бросил Этьен де Лавейя.

– Яства и вино будут после, – ровно ответил Алексей.

Император медленно прошёл к трону, его движения были уверенными и царственными. Он сел, оправив плащ, и окинул князей взглядом – спокойным, но пронизательным.

– Да начнётся церемония.

Рыцари выпрямились. Напряжение в зале достигло предела...

Священная клятва

Император Алексей Комнин восседал на троне, его лицо оставалось непроницаемым, но глаза внимательно следили за каждым движением.

Латинские князья, по очереди преклонявшие колено перед императором, уже закончили приносить вассальную клятву. Они стояли вдоль зала, молча наблюдая за теми, кто ещё не произнёс священные слова.

Раймунд Тулузский шагнул к трону, рассекая тяжесть воздуха. Его кольчуга, покрытая пылью походов, контрастировала с блистанием византийских шелков.

– Per Deum omnipotentem... – начал он, ударяя себя в грудь латной перчаткой. Голос звучал, как набат: – Я, Раймунд де Сен-Жиль, клянусь крестом и мечем хранить верность Алексею Комнину. Да поразит Господь душу мою, коль преступлю сей обет!

Патриарх Николай воздел крест – древний, почерневший от прикосновений тысяч уст. Рыцарь приник к нему губами, и в этот миг где-то в галереях грянул гром.

– Знак свыше, – прошептали клирики.

Бозмунд Тарентский выступил следом, медленно, словно ведомый неволей. Его плащ, затканый серебряными волками, вздымался за спиной как бунтующее знамя.

– Клянусь... – слово застряло в горле, будто отравленное. – ...верностью императору сему. Да паду я в адскую бездну, коли нарушу.

Поцеловал крест небрежно, будто жаждущий спешит к кубку. Затем встал, с трудом скрывая раздражение.

Севастократор Исаак, стоявший у трона с мечом-парамирием, наклонился к кесарю и пошептал на греческом:

– Слово змий причастия коснулся... Не клятва, а насмешка.

Никифор, сухой и седой, как пергамент, хрипло ответил:

– Норманнский род весь таков – на публике христиане, а в душе... все еще верят в своих богов.

– Вы едва ли смогли бы нарушить то, чего и не собирались соблюдать, герцог Тарентский. – тоже едва слышно заметил Татикий на латыни так, чтобы Бозмунд его услышал.

Тот медленно повернул голову в сторону византийского магистра. На секунду в его глазах вспыхнула ярость, но он сдержался, лишь одарив Татикия улыбкой, от которой мороз шел по коже.

Дальше подошли Танкред и Гарольд.

Племянник Бозмунда шагнул вперед с вызовом, но без колебаний.

– Я, Танкред, клянусь...

Он произнёс слова чётко и без запинки, но во всем его облике читалось недовольство.

Гарольд же, казался удивлённым серьёзностью церемонии. Он неохотно опустился на колени, пробормотал клятву, и, прежде чем коснуться крестом губ, громко хмыкнул:

– Проклятие, так много формальностей. А если я просто скажу «честное норманнское» слово?

Кто-то в зале нервно усмехнулся, но византийцы не разделили шутки.

– Целуй крест, норман, и помни, что клятва Богу священна. – патриарх тяжело посмотрел на него.

Гарольд пожал плечами, наклонился и быстро коснулся губами реликвии. Затем, поднявшись, ухмыльнулся:

– Всё? Я всё правильно сделал?

Патриарх отвёл взгляд.

Император поднялся, давая понять, что церемония окончена.

– Вы дали свои клятвы, милорды! Да будет так...

Тайный совет

Латиняне начали расходиться. Алексей сделал едва заметный жест. Варяги преградили путь Раймунду, Адемару и Готфруа, скрестив секиры. Алексей поднял руку:

– Милорды, Оставайтесь!

Они остановились, переглянулись и вновь повернулись к трону.

Когда двери за остальными закрылись, в зале остались только византийцы и трое латинских вождей.

Алексий опустился на трон и посмотрел на них с задумчивостью.

– Теперь, когда все клятвы даны, нам стоит обсудить самое важное.

Адемар сложил руки на груди.

– Дележ добычи?

Император слегка усмехнулся.

– Дележ земель.

Он взглянул на Ричарда, тот расстелил на столе свиток с картой.

– Границы предельно ясны. Всё, что будет взято до этой границы, включая Антиохию – Алексей провел на карте невидимую черту – возвращается под власть Империи. Всё, что лежит южнее, включая Иерусалим, – ваше.

Раймунд кивнул.

– Справедливо.

Готфруа, сидевший прямо, добавил:

– Мы чтим ваше право, цезарь. Наша цель – Гроб Господень.

– Мои люди будут сопровождать вас. – продолжил Алексей. – Я отправляю с вами десять тысяч лучших воинов. Во главе их – магистр Татикий.

Адемар взглянул на магистра.

– Мудрый выбор.

– Я тот, кто готовит дорогу, по которой вы идёте. – голос Алексея стал тише. – Но среди вас есть те, кто не приемлет власти Империи.

– Боэмунд, – догадался Раймунд.

– Боэмунд, – подтвердил Алексей.

Наступила напряжённая пауза.

– Не думаю, что он собирается исполнять свою клятву, – спокойно произнёс император. – Он слишком долго воевал против меня, чтобы принять меня как сюзерена.

Адемар помолчал, затем вздохнул:

– И на Небесах была измена – стоит ли ждать, что все наши рыцари боятся гнева Божьего!?

Раймунд сжал губы, затем сказал:

– Я тоже не доверяю ему. Но его люди – искусные воины, а война требует всех сил.

– Вы должны присматривать за ним, – голос Алексия прозвучал чётко. – Если он замыслил что-то против Империи – я должен знать об этом.

Адемар задумчиво кивнул.

– Мы не дадим ему выйти за пределы дозволенного.

Алексий встал.

– Тогда договорённости заключены. Пусть этот поход принесёт нам... каждому из нас – то, что мы ищем.

Готфруа приложил кулак к груди.

– Во имя Господа.

Они поклонились и вышли.

Алексий остался в зале.

Татикий шагнул к нему и тихо произнёс:

– Вы верите в их клятвы?

Император смотрел в темноту зала, где тени колебались в мерцающем свете свечей.

– Магистр. – Он помолчал. – Возможно, если бы эти милорды не были людьми чести... наши головы уже болтались на плахах, на руинах разоренной империи.

– Проклят человек, который надеется на человека и плоть делает своей опорой – Спокойно произнес Татикий. – В писании сказано.

– Разумеется. – император усмехнулся. – Я был бы глупцом если бы рассчитывал только на их благочестие. Будем и впредь делать расчет на их амбиции и жадность. Жадность – это тоже сила, если знать, как её использовать...

Автократор развернулся к выходу, скользнул взглядом по залу и, не говоря ни слова, исчез за массивными дверями. Варяги, как тени, последовали за ним, звук шагов затерялся среди эха древнего камня.

В зале остались только двое...

Татикий молча смотрел, как языки пламени в канделябрах медленно гасли, словно уставшие от долгого вечера. Он сделал пару неспешных шагов, подойдя к Исааку, который стоял, задумчиво касаясь пальцами бороды.

– В комнате, где расположили норманнов, есть тайный ход, – негромко сказал магистр, не отрывая взгляда от мерцающего огня. – Мы можем сделать так, что Боэмунд и его близкие, не увидят завтрашний рассвет.

Исаак чуть повернул голову, но не сразу ответил. Он медлил, раздумывая, словно примеряя на себя возможные последствия.

– Возможность хорошая, – наконец признал он, качнув головой. – Но в таком случае у норманнов будут развязаны руки.

Он отошёл к окну, посмотрел вниз, где среди стен и башен Константинополя мерцал лунный свет. Латиняне, конечно, были варварами, но варварами с честью. Тайное убийство своих вождей они восприняли бы как предательство.

– Все латиняне восстанут против нас, – продолжил он, не оборачиваясь. – Тайно убить гостей... Для них это подлость, а подлость требует мщения.

Татикий наклонил голову, соглашаясь.

– Пусть живут. Пока что, – Исаак чуть склонился к магистру. – От этих дерзких норманнов, куда проще будет избавиться на том берегу. В пылу битвы.

Ветер, ворвавшийся сквозь щель в окне, затрепетал пламенем свечей.

– Случайная стрела, падение с башни, – он посмотрел в сторону двери, будто видел за ней будущее. – Тогда уже никто и не подумает на нас.

Татикий усмехнулся, коротко, почти бесшумно.

– Да, ты как всегда прав, – согласился он, медленно выпрямляясь. – Я попробую это устроить.

– Пока же, пошли кого-нибудь, следить за ними – сказал Исаак, скользнув взглядом по стенам, где на фресках святые глядели вниз, будто на них.

– А следить за ними... Император уже послал этого сакса.

Исаак тихо хмыкнул, будто только сейчас осознал ловкость брата.

– Мда... – он качнул головой. – А мой брат не промах.

Их взгляды встретились в полумраке. На этом всё было решено...

Глава 10: Тени в каморке

Заговор норманов

Пламя свечей дрожало, отбрасывая на стены длинные, змеящиеся тени. В комнате, которая была больше похожа на узилище, чем на покои для знатных рыцарей, пахло холодным камнем, влажной древесиной и пряностями с византийских рынков. Узкие окна с зарешёченными ставнями пропускали лишь скудный свет ночного города. За стенами, внизу, мерно гудел Царьград, слышался скрип телег, далёкие выкрики стражи, чьё-то пьяное пение.

Боэмунд Тарентский вошёл первым, резко скинув плащ. Плотная ткань с волчьими вышивками упала на деревянный сундук у стены. Он повернулся, его ледяные глаза сверкнули в полумраке.

– Ловко ты их проверил, кузен. – Его голос был низким, хриловатым. – Фанатики показали, кто есть, кто.

Гарольд Свирепый, всё ещё ухмыляясь, уселся на край грубо сколоченного стола, скрестил руки на груди. Танкрет стоял у стены, не скрывая раздражения.

– Зачем мы дали эти клятвы, дядя? – он говорил сквозь зубы. – Почему бы просто не взять Константинополь, когда остальные уйдут на восток?

Боэмунд фыркнул, подошёл к массивному камину, где в очаге догорали угли.

– Ты что, не видел? – Он ткнул пальцем в воздух, словно указывая на призрачные фигуры своих врагов. – Провансальцы. Лотарингцы. Фландрийцы. Все эти фанатики папы будут против нас, если мы выступим сейчас. Раймунд и Готфруа первыми вернутся, спасая своего нового сюзерена.

– Всё равно, можно было бы обойтись без участия в этой позорной церемонии! – упрямо бросил Танкрет.

Боэмунд резко обернулся, его взгляд стал острым, как лезвие.

– Ты что, как глупый монах, боишься клятв? – Он усмехнулся, но в голосе звучало нетерпение. – Мой отец тоже давал клятву Ромеям... а потом взял Диррахий и шел на Константинополь. Если бы его не забрала лихорадка, мы бы давно правили этой империей.

Танкрет сжал кулаки.

– А может, это и была кара небес?

Боэмунд резко рассмеялся – коротко, холодно.

– Вздор. – Он подошёл к племяннику вплотную. – Ему было семьдесят, болезнь выкосила половину армии, но знаешь, что он сказал мне умирая?

Он схватил Танкрета за ворот, притянув его ближе, и прошептал:

– Он так же прижал меня и кричал – «Не вздумай отступить. Победа или смерть.» И испустил дух!..

Его сжатые пальцы дрогнули. Он отступил назад, скользнув взглядом по племяннику.

– Даже в час смерти, он не боялся кары и продолжал следовать за тем чего хотел. Будто сама смерть не имела над ним власти. А ты говоришь мне, о каких-то пустых словах, что мы сказали, чтобы обмануть врагов! – размахивал руками Боэмунд.

Танкрет молчал, его губы плотно сжались.

Гарольд грохнул кулаком по столу, заставив кубки подпрыгнуть.

– Хватит мертвецов вспоминать! Дальше-то что? Сегодня мы увидели, что союзников у нас нет. Даже этот женоподобный князь Блуа смотрел на нас с возмущением. А наш «дальний родственник» Роберт, мнит себя слишком высокородным и не желает с нами знаться.

Боэмунд усмехнулся, налил вина из кувшина в бронзовую чашу.

– Да они нам и не нужны.

– Как это? – прищурился Танкрет.

Боэмунд поставил чашу, опёрся на стол, глядя на собравшихся.

– Зачем делить земли и трофеи с кем-то ещё? – Он выпрямился, и на его лице появилось выражение воина, предчувствующего битву. – Ты забыл воинский закон? Кто первый захватил крепость и водрузил знамя – тот и хозяин. И они чтут этот закон.

Танкрет задумался, затем его взгляд вспыхнул:

– Значит, нужно идти в авангарде и первыми забирать всё, что можно!

Боэмунд медленно кивнул.

– Верно, племянник. Под нашими знаменами семь тысяч норманов, Вильгельму хватило этого, чтобы забрать Англию, а мы заберем земли востока! А когда укрепимся там...

Он поднял чашу, вино вспыхнуло в свете свечей, как кровь.

– ...мы вернёмся в Константинополь, который падёт к нашим ногам.

Гарольд ухмыльнулся, чокнувшись с ним своим кубком.

– Я пью за этот день.

Они пили, строили планы, смеялись.

Рядом, в узком потайном проходе, притаился Ричард.

Он слышал каждое слово.

И когда вино вновь плеснулось в бронзовых чашах, он мягко шагнул в темноту.

За дверью скрипнула половица. Ричард, прижавшись к потайной нише за гобеленом с охотой на единорогов, затаил дыхание. Его тень слилась с каменной кладкой, лишь перстень со скрытой печатью Асасинов, слабо блеснул в темноте.

Боэмунд внезапно обернулся, уловив шорох. Его рука легла на меч.

– Кто там?..

Ветер захлопнул ставень, погасив свечу. В крошечной тьме лишь белела ухмылка Гарольда:

– Привидения старых императоров, небось.

Когда свет вернулся, потайная дверь за ковром уже была закрыта. Ричард бежал по подземному ходу, его шаги глухо отдавались в сырости, а в ушах все еще звенели слова:

«...вернемся в Константинополь, который падёт к нашим ногам...»

Надзиратель

Ричард остановился перед дверью своего дома. Высокие, украшенные арабесками ставни, были плотно закрыты, но за тонкой резьбой дерева мерцал свет. Ночной воздух нес с собой солёный запах Пропонтиды, смешанный с ароматами ладана и тёплых пряностей, что пропитывали улочки Константинополя.

Старый слуга, ожидавший его возвращения, склонился и тихо произнёс:

– Милорд, вас ожидает гость.

Ричард замер. Глухое раздражение шевельнулось внутри.

Он шагнул вглубь дома. Пол был выложен мозаикой, изображающей узоры пустыни – подарок византийского торговца, мечтавшего о расположении при дворе. За арочным проёмом начинался зал для гостей, залитый мягким светом масляных ламп.

Возле окна стоял человек. Высокий, одетый в чёрный шерстяной плащ с серебряной вышивкой, чьи складки ниспадали к полу, будто тени. Его руки покоились на поясе, а взгляд был устремлён в ночь.

Ричард шагнул вперёд.

Омар, старый приятель из Аламута.

Он медленно повернулся. В его карих глазах мелькнула тёплая искра.

– Ис... Ричард, – едва не оговорился он, голос Омара был низким, уверенным, но не лишённым нотки искренней радости. – Хвала Аллаху. Я думал, что нас с тобой разведут дороги.

Гость говорил, на родном для него персидском языке, но Ричард удержал лицо бесстрастным, и лёгкий наклон головы, был сделан с безупречной вежливостью.

– Омар. Брат мой. – Он указал на подушки у низкого стола. – Присаживайся.

Они опустились на мягкие ткани. Фонтан в углу мерно журчал, заполняя паузы между словами.

– Господин Амин, велел мне сопровождать тебя во время похода, – произнёс Омар, чуть склонив голову. – Он хочет, чтобы я служил тебе, как оруженосец служит рыцарю. Ведь для франков ты лорд и рыцарь.

«*Оруженосец*»... – Ричард мельком взглянул на Омара, оценивая его. Лицо собеседника было открытым, спокойным, но он знал, что под этой маской скрывается тот, кто умеет наблюдать.

«*Не оруженосец. Надзиратель.*»

– Это большая ответственность, – ровно ответил он. – Господин, надеюсь, обучил тебя их языку и обычаям?

Омар усмехнулся, затем с серьёзным видом опустился на одно колено, вытащил из ножен кинжал и протянул его Ричарду обеими руками:

– Милорд Ричард, я Рене, ваш верный слуга до конца моих дней!

Французкий был чист, почти без акцента. И всё же в интонациях скользила лёгкая насмешка.

Ричард ответил коротким смехом, поднимая приятеля.

– Теперь ты настоящий латинянин, как и я. – Он отступил назад. – Отдыхай, путь будет долгим...

Слуга проводил Омара в покои для гостей, и дверь за ним бесшумно закрылась.

Ричард остался в одиночестве. Он налил в кубок немного вина, пригубил, но горький вкус лишь подчёркивал тревожные мысли.

«*Зачем же Хасан послал его? Быть гонимом, или перерезать мне горло, если учует измену?*»

Он поставил кубок, затем повернулся к окну. Внизу, за стенами дома, ночной город жил своей жизнью. Где-то вдалеке играли музыканты, звонко хохотали женщины. Но мысли его были не здесь.

Глава 11: Врата Аламута

Персия 1091 год

Омар провёл ладонью по гладкому дереву двери, чувствуя под пальцами тепло ночи. В комнате пахло горьким дымом свечей, тканями, пропитанными чужими ароматами.

Он сел, прислонившись к подушкам, и закрыл глаза.

«Всё началось тогда, в Персии...»

Мерцание солнца сквозь снежную пыль. Резкий ветер, обжигающий лицо. Синее небо, похожее на натянутую туго тетиву.

Он помнил, как мальчишкой стоял перед воротами Аламута, держась за руку младшего брата. Малик дрожал, его губы посинели. За их спинами лежала сожжённая деревяня, впереди – неприступная крепость.

– Мы ищем приют и обучения у Великого Хасана! – закричал он, едва справившись с дрожью в голосе.

Стены Аламута молчали.

А потом, словно само небо решило откликнуться, раздался голос:

– Убирайтесь.

Каменные ворота остались закрытыми.

Они не ушли.

Три дня. Три ночи. Без еды, без воды. Только холод, только тени, растущие по склону, словно безмолвные наблюдатели.

На четвёртую ночь Малик потерял сознание. Омар прижимал его к себе, чувствовал, как тело брата становилось всё легче, всё тише.

Наутро ворота открылись.

Слуги Хасана вышли наружу. Их взгляды были безразличными. Они посмотрели на мальчиков, затем один из них сказал:

– Он мёртв.

И, не колеблясь, схватил безжизненное тело Малика за плечо и бросил вниз, на скалистые склоны.

– Нет! Малик, брат мой! – неистово взревел Он, собирая последние силы. – Почему?! Почему вы...?

Крик его метался среди горных вершин, но никто не ответил.

Руки, крепкие, как железо, схватили его, потащили внутрь...

Темница пахла мокрым камнем, гнилью и чем-то ещё... чем-то, что впитывалось в стены годами – страхом, смертью, несбывшимися надеждами.

Омар лежал на голом полу, закованный в кандалы. Холод железа сковывал его запястья, впиваясь в кожу, но он уже не чувствовал боли. В горле стояла сухая, обжигающая пустота.

Шаги. Глухой стук сапог по камню. Он приподнял голову, разлепил пересохшие губы:

– Воды...

За дверью послышался насмешливый голос:

– Ты турецкий лазутчик. Для тебя воды нет.

Омар закрыл глаза. В висках стучало, но мысли оставались ясными.

«Жалкий лазутчик вышел бы из меня... кто прыгает в лапы смерти с таким рвением?»

Его вывели на рассвете.

Небо было белёсым, туман ещё клубился между скалами, но на высоком дворе Аламута уже стояли фидаины – в чёрных одеяниях, с лицами, застывшими в равнодушной покорности. Их взгляды ничего не выражали. Ни любопытства, ни презрения.

Омара бросили на каменные плиты, перед возвышением, застланным пурпуром.
Над ним возвышался человек.

Хасан ибн Саббах.

Мастер Аламута.

Его тёмные глаза казались бездонными, взгляд тяжёлый, в пальцах – массивный кинжал, позолоченные ножны которого отсвечивали в лучах восхода.

– Эти турки продолжают посылать своих псов к моим стенам, – проговорил он негромко. – Последний шанс. Скажи правду – и, возможно, я пощажу тебя.

Омар приподнялся на колени, пытаясь удержать спину ровной.

– Я не шпион, – ответил он, глядя прямо в глаза Хасану.

Чья-то рука надавила на его плечо, не давая встать с колен.

– Я пришёл в Аламут за правдой. Как и мой брат. – Голос его не дрогнул. – Который теперь мёртв.

– Смерть для верных – избавление, – произнёс Хасан. – Для неверных – путь в ад.

Он сделал знак рукой одному из фидаинов.

Омар увидел, как человек с саблей шагнул вперёд, и услышал звук стали, рассекающей воздух.

Всё замерло.

Мир сжался до острия клинка, несущегося к его горлу.

Омар не шевельнулся.

Сердце билось ровно. В глазах не было страха – только безмолвное принятие.

Сабля остановилась в дюйме от его шеи.

Хасан молча поднял руку.

Фидаин отступил.

Он вздохнул. Ветер снова зашевелил ткани шатров, и время, будто бы, вновь пошло вперёд.

– Он готов умереть без страха, – спокойно сказал Хасан. – Значит, сможет стать истинным фидаином.

Он кивнул кому-то, и Омара подняли, подтолкнули ближе.

Хасан вынул кинжал из ножен, острие блеснуло в утреннем свете.

– В этом мире есть вещи гораздо хуже смерти... – Голос Хасана был как дыхание вечности, каждое слово, отдавало холодом. – С этим клинком я предлагаю тебе достойную жизнь... и достойную смерть. Готов ли ты принять его?

Омар посмотрел на лезвие.

Почти без колебаний он протянул руку. Губы его были сухими, язык еле ворочался, но глаза... глаза блестели.

– Готов, господин...

Пламя свечи качнулось, отбрасывая блик на стену. Омар резко открыл глаза.

Он не помнил, сколько времени прошло с тех пор, как он перестал видеть этот сон. Он глубоко вдохнул. Достал из-за пояса кинжал, провёл пальцем по лезвию. Оно было холодным.

«достойная жизнь... и достойная смерть.»

Ему не нужно было больше выбирать.

Он уже давно сделал свой выбор...

Резиденция Амина

Запах благовоний густо висел в воздухе, впитываясь в тяжёлые шёлковые занавеси. Комната, в которой сидел Амин аль-Баср, была полумрачной – свет от единственной бронзовой

лампы с резным куполом ложился золотыми узорами на стены. В дальнем углу, среди подушек, булькал кальян, и сизый дым клубился в воздухе, напоминая призрачные силуэты.

Амин лениво провёл пальцами по рукояти клинка, не поднимая взгляда. Его чёрные глаза, казалось, смотрели внутрь себя:

– Значит, эти волки с итальянских холмов задумали не просто разбить наших врагов... – Он сделал едва заметную паузу, словно пробуя слово на вкус. – А метят на трон самой Империи.

Он, наконец, поднял голову. В свете лампы его лицо казалось высеченным из камня.

– Первое... для чего мы их и призвали. – Его длинные пальцы провели по лезвию кинжала. – Второго... не случится. Никогда.

Ричард стоял неподвижно, лишь тень от его ресниц дрожала на щеке. Он знал: слова Амина – не запрос мнения, а уже высеченный на скрижалях приказ.

Амин бесшумно, как призрак, поднялся. Белоснежные одежды зашуршали по глубокому ворсу ковра. Несколько плавных шагов – и он оказался в шаге от Ричарда, загоразивая свет. Прищурился, изучая его лицо.

– Шпионить за ними тебя послал император?

– Да, господин. – Голос Ричарда был ровным, но в горле першило от густого дыма.

Амин усмехнулся, будто услышал что-то забавное.

– Ну так и доложи ему обо всём.

Ричард сделал едва заметное движение, готовый отступить, но Амин резко сократил дистанцию до полушага. Терпкий, обволакивающий запах мускуса и шафрана ударил в нос, смешиваясь с дымом.

– Запомни, – прошипел Амин, и в этом шёпоте звенела сталь. – Турки – язва. Но норманны... это чума. Нам не нужна одна беда, сменяющая другую. Пусть латинские шакалы рвут глотки туркам... – Он сделал паузу, дав картине кровопролития возникнуть в воображении. – А потом... пусть вцепятся в глотки друг друга. Дерутся за кости.

Он замер. Тишина натянулась, как тетива. Его рука лежала на рукояти кинжала – пальцы слегка сжались. Казалось, само его молчание – это лезвие, приставленное к горлу.

– Когда придёт время... – Амин наклонился чуть ближе, его дыхание коснулось уха Ричарда, горячее и опасное. – Внеси этот раскол...

Глава 12: План греков

Дворцовые палаты

Зал дворца купался в лучах утреннего солнца. Струи света, пробиваясь сквозь цветные витражи, заливали каменные плиты пола зыбкими пятнами золота – словно отблеск недавней битвы. В воздухе, плотном и почти осязаемом, еще висел сладковатый дымок ладана от утренней службы, смешиваясь с запахом старого пергамента и воска.

Император Алексей восседал в кресле перед массивным дубовым столом. В уголках его губ притаилась тонкая, как лезвие, усмешка.

– Значит... – начал он медленно, растягивая слово, – Боэмунд возомнил себя новым Вильгельмом Завоевателем! – Пальцы Алексея, длинные и нервные, отстукивали неторопливый ритм по резному подлокотнику.

– Масштабнее, Государь, – прозвучал голос Татикия. Холодный, лишенный тембра, как скрежет металла. Он стоял чуть поодаль, руки скрещены за спиной в тугом узле. Свет от витража скользил по его серебряной маске, превращая безликий металл в мерцающий, призрачный лик. – Палестина... Византия... часть Италии... – Маска чуть повернулась. – Это уже пахнет деяниями Карла Великого.

Император опустил веки на мгновение, потом поднял тяжелый взгляд.

– Слишком... амбициозно – произнес он тихо, с легким шипением, – для такого ничтожества. Он не должен идти в авангарде.

Татикий совершил плавный полуоборот, словно маятник.

– Сложность в том, – признал он ровно, – что его голодные до славы псы рвутся в бой. Они будут первыми у стен... в засадах... на острие атаки...

Император замер, его взгляд утонул в карте, расстеленной на столе. Дрожащие языки свечей бросали на пергамент живые тени; границы империй, городов и рек казалось, пульсировали, дышали под их светом.

– Но... – Алексей поднял палец, не отрывая глаз от карты, – зная их маршрут... мы можем ударить... – Он наконец оторвал взгляд от пергамента, обведя присутствующих. – Первыми.

– Верно! – живо отозвался Исаак, сделав шаг вперед. Его палец резко ткнул в точку на карте. – Их первая крупная добыча – Никея. Но где их флот? Сухопутные крысы...

– Вот именно! – воскликнул император, и в его глазах вспыхнул азартный огонёк. Он отчетливо стукнул ногтем по береговой линии. – Магистр с нашими латинскими «друзьями» осадит город с суши... – палец скользнул к гавани, – а когда защитники выдохнутся... наши дромоны врежутся в залив! И мы возьмём город... – Он сомкнул пальцы, будто сжимая невидимый плод. – Как спелый плод, сорванный в саду.

– Вернём своё по праву! – хрипло хмыкнул Исаак.

– Блестяще, Государь, – кивнул кесарь Никифор, потирая ладони. В его голосе звучало не просто восхищение, а предвкушение зрелища. – Как говорил тот хитрый норманн? – Он подмигнул Ричарду, хищно ослабившись. – «Чьё знамя первым взмыло на стену – тот и хозяин»?

– Дословно, кесарь, – легко парировал Ричард, ответная улыбка лишь тронула уголки его губ. – Уверен, его лицо, когда он узрит императорские стяги над Никеей, – станет шедевром разочарования.

В зале грянул сдержанный, но довольный смех.

– О, это точно! – фыркнул Никифор, представляя картину.

– Отдал бы год жизни, чтобы увидеть эту рожу!

– Дай Бог, чтобы замысел свершился, и мы узрели сие зрелище, – усмехнулся император. Он задумчиво покрутил массивный перстень на пальце, затем резко опустил руку на стол

с глухим стуком. – Но главное... – его взгляд, острый как кинжал, метнулся к Татикию, затем к Ричарду, – держать их вместе! Весь их гнев, всю алчность – обрушить на Никею единым кулаком.

Татикий, неподвижный, как статуя в нише у колонны, едва уловимо склонил голову. Свет скользнул по маске, не задерживаясь.

– Это будет сделано, – прозвучал его бесстрастный голос из тени. – Я дам знать... когда наш морской меч может вонзиться им в спину.

Император коротко кивнул.

– Доверяю твоей... предусмотрительности...

Тишина, густая и значимая, опустилась на зал, ознаменовав конец совета. Ричард с почти-тельным наклоном головы дал понять, что отбывает. Но еще шаг – и мягкий, как шелк, голос Исаака остановил его на месте:

– Не спеши, сэр Ричард.

Ричард замер, потом медленно обернулся. Севастократор слегка склонил голову набок; в его глазах, узких и пронзительных, плясали искорки холодного азарта.

– К тебе... присоединятся мои люди, – продолжил он, растягивая слова. – Твои... старые знакомые.

Ледяная игла кольнула Ричарда под сердце. Где-то глубоко внутри зашевелилось знакомое, едкое раздражение. Он сделал паузу, вбирая воздух, сглатывая ком в горле.

– Как прикажете... милорд, – проговорил он ровно, лишь легкая тень неприязни скользнула по лицу, прежде чем он взял себя в руки.

Встреча у ворот

Тяжёлые двери дворца распахнулись с низким гулким скрипом. Ричард вышел на залитую солнцем площадь. Свет ударил в глаза, но он тут же привык к нему и различил две знакомые фигуры.

Михаил, высокий и кряжистый, стоял и ухмылялся, словно хищник, учувший след. Солнце отражалось от металлического наконечника его руки-клинки, играя яркими бликами.

Рядом, чуть позади, как будто в своей собственной театральной постановке, Глифа с изысканной манерностью поклонился. – Добрый день, милорд, – его голос сочился вежливостью, от которой можно было отравиться. – Надеюсь, вы по нам не скучали.

Ричард скользнул по ним взглядом, холодным, оценивающим.

«Этот поход только начинается. А уже сейчас у меня слишком много надзирателей...»

– Что ж, следуйте за мной, – сказал он вместо приветствия.

И, не оборачиваясь, шагнул вперёд.

Пусть думают, что контролируют ситуацию. Пусть верят, что знают его ходы.

Но в этой игре теней, не все нити были у них в руках.

Глава 13: Мосты сожжены

Побережье Анатолии. Весна 1097 год.

Ричард стоял на прибрежном утёсе, глядя на корабли, что, подхваченные попутным ветром, один за другим исчезали за горизонтом. Блики заката окрашивали воду в кроваво-алые оттенки, словно провожая латинян на новое побоище.

«Теперь мосты сожжены».

На берегу кипела работа – люди устанавливали шатры, разбивали костры, укрепляли временные заграждения. Лошади храпели, переминаясь на месте, воины точили мечи, готовясь к завтрашнему дню. Всё вокруг было пропитано тяжёлым запахом моря, пота и кострового дыма.

Ричард обернулся.

Чуть в стороне от основного лагеря, у небольшого костра, собралась его компания: Омар – теперь Рене, Михаил, Глифа и Пётр Пустынный, который за время пребывания в Константинополе сдружился с ним. Монах был необычным человеком – худощавым, почти прозрачным, но в глазах его пылал такой фанатизм, что, казалось, даже ночь отступала перед ним.

Рядом возвышался шатёр Татикия. Сидя у костра они видели, как магистр, что-то сказав слуге, скрылся за плотной тканью входа.

– Интересно, почему ваш магистр носит маску? – задумчиво спросил Омар, вырывая Ричарда из мыслей.

Михаил усмехнулся, глянув на них:

– Любопытный у тебя оруженосец.

– И всё-таки ты знаешь, – вставил Глифа, переводя взгляд на Михаила. – По глазам вижу.

Тот молчал несколько мгновений, будто решая, стоит ли говорить, но потом склонился ближе, опершись на свою искалеченную руку.

– Мне известны некоторые тайны магистра, – нехотя признался он. – Ведь магистром его сделал мой патрон.

– Исаак? – уточнил Ричард.

– Да, – кивнул Михаил. – Хотя и раньше Татикий был военачальником... но потом в его жизни всё изменилось.

– А что случилось? – спросил Петр.

Михаил чуть откинулся назад, его голос стал тише, но в нём зазвучала та особенная интонация, с какой рассказывают мрачные истории у ночных костров.

– Он был полководцем ещё при Романе Диогене. Говорят, перед битвой при Манцикертте предложил на военном совете план, как хитростью разгромить турок. Но кесарь Иоанн и император решили иначе...

Глифа хмыкнул.

– Они пошли напролом... и проиграли.

– Да, – подтвердил Михаил. – Император попал в плен, а кесарь, воспользовавшись случаем, захватил трон. Когда же Роман вернулся, его ослепили... и он умер в мучениях.

– Печальный конец, – пробормотал Пётр.

– После этого люди начали шептаться... – Михаил поднёс к губам кружку с вином. – Что, мол, если бы Татикия слушали, война могла пойти иначе. Лучше бы его сделали новым императором.

– И кесарь это услышал, – догадался Омар.

Михаил склонил голову.

– Услышал... и приказал бросить Татикия в крепость. А чтобы тот никогда не смог претендовать на власть... – Он провёл пальцем по лицу – Ему отрезали нос.

Пётр нахмурился.

– Но зачем?

Михаил усмехнулся, покосившись на монаха.

– Отец, ты вижу, совсем не знаешь наши обычаи. У нас императором не может быть увеченный или урод.

– Да тебе с твоей культёй, императором точно не стать, – поддел его Глифа, вызывая смех у остальных.

– Ты, смотри, Глифа... – Михаил медленно отставил кружку. – Смешки мне не в новинку, но и у тебя языка может стать меньше.

Наступила короткая пауза. Глифа лишь покачал головой, переводя тему.

– Так что было дальше?

– Говорят, Татикий стал наёмником, – продолжил Михаил. – Убивал за серебро. А потом, когда к власти пришли Комнины, мой патрон возвёл его в магистры.

Глифа покачал головой:

– За какие ж это заслуги? Видно, много врагов помог убрать с дороги?

– О таких вещах лучше молчать, глупец, – резко бросил Михаил. Пристально глядя на Глифу. – Сколько раз я тебе говорил, что твой язык тебя погубит,

– Да кто обращает внимание на мои слова, кроме тебя? – Глифа махнул рукой. – Это тебе, лишь бы кого-то погубить и пролить кровь.

Михаил ухмыльнулся.

– Мне кровь проливать не впервой.

Он повернулся к Ричарду, с нескрываемым интересом разглядывая его.

– А вот наш юный лорд... Наверное, и не знает, как она выглядит.

Ричард медленно поднял взгляд.

– Ну, кроме своей, конечно, – продолжил Михаил, опершись на колено. – Своя кровь – не в счёт. Я говорю о той, что ты пролил, отняв жизнь у другого.

Омар нахмурился, но молчал.

– Держу пари, в той резне в Палестине ты не успел и пискнуть, как потерял сознание. Верно? – Михаил чуть наклонился ближе. – И уж тем более не убил никого своими руками.

Глифа весело скалился, наблюдая за разговором.

– Не бойся, милорд, – продолжил Михаил, хлопнув Ричарда по плечу. – Мы защитим тебя в предстоящих битвах. Не дадим пролить ни капли крови. – Он ухмыльнулся, оглядывая собравшихся. – А то ещё в обморок упадёшь.

Ричард не ответил сразу. Только медленно провёл пальцами по рукояти кинжала, чувствуя прохладу металла. Его взгляд, до этого спокойный, стал тёмным, тяжёлым.

Омар, сидевший рядом, почти незаметно напрягся, словно предчувствуя, что на мгновение хрупкое равновесие может быть нарушено.

Но Ричард лишь выпрямился и спокойно сказал:

– Ты многого не знаешь, хотя это к лучшему – крепче будет твой сон.

Голос его был ровным, в нём не было ни смущения, ни обиды. Только лёгкая тень усталости.

Михаил хмыкнул, словно разочарованный тем, что не смог выбить его из равновесия. Он встал, накинул плащ и, бросив через плечо:

– Ну, когда-нибудь узнаем...

Исчез в темноте.

Наступила короткая тишина.

Ричард и Омар переглянулись.

Если бы этот византийский наёмник знал, кто перед ним...

Он бы не спал этой ночью.

И вздрагивал бы от страха при каждом шорохе.
Но он не знал. И потому пребывал в беспечности...

Ричард лежал, глядя в звездное небо, отсюда оно казалось по особому ярким и бескрайним. Он все не мог уснуть, после разговора о пролитии крови, нахлынули воспоминания...

Обряд посвящения

Зал Аламута висел в облаке едкого дыма – смеси горьких курений, раскаленного металла и старой крови. Масляные светильники вырывали из мрака искаженные лица стражей и бросали на мозаичные стены гигантские, пульсирующие тени, которые жили своей зловещей жизнью. Ни шепота, ни шороха ткани – тишина была гнетущей, физически ощутимой, как ледяная плита на груди.

Юный фидаин стоял, голова покорно склонена. Воздух обжигал легкие ароматами ладана и свежей крови – этот привкус металла и тления преследовал его каждый час последних месяцев. Пальцы, спрятанные в складках одежды, были ледяными.

Перед ним, на возвышении из черного камня, восседал Хасан ибн Саббах. Факелы по бокам трона бросали резкие тени вглубь его глазниц, делая лицо похожим на череп, обтянутый иссушенной кожей. Ни моргания, ни движения мускула. Только пристальный взгляд, буравящий душу.

Медленно, с тихим шорохом ткани, он поднялся. Его тень, чудовищная и безглазая, накрыла юношу целиком, поглотив последние проблески света.

– Подними голову.

Юноша механически подчинился. Лицо – маска из воска. Но глаза... глаза были двумя колодцами в беззвездную ночь, пустыми и бездонными.

– Кто ты? – спросил Хасан, его голос был как шелест кинжала, извлекаемого из ножен.

– Орудие в руках Всевышнего и Его Ордена, – отчеканил юноша, голос ровный, как поверхность мертвого озера.

– А если я прикажу тебе убить того, кого ты называл господином? – палец Хасана, тонкий и костлявый, указал в сторону Амина.

Мгновение. Не дольше удара сердца. Взгляд юноши скользнул к Амину, задержался на сонной артерии, пульсирующей у виска.

– Я спрошу, куда целиться: в сердце или в горло? – прозвучал ответ. Без колебаний. Без интонации.

Тишина обрушилась на зал с новой силой. Даже ленивый ветер, игравший с занавесями, замер. Треск углей в жаровне зазвучал как канонада. Амин, стоявший рядом, застыл, сжав челюсти до хруста. Капля пота скатилась по виску.

Хасан издал короткий, сухой звук – подобие смеха. Глаза его вспыхнули холодным, зловещим огнем, как у голодного шакала.

– Ты поверил, – бросил он, глядя на Амина.

Амин попытался улыбнуться, но губы лишь судорожно дернулись.

– Не сердись, – продолжил Хасан, откинувшись на подушки трона. – Я просто хотел показать, какого фидaina взрастили наши наставники. Чистое лезвие. Ни страха. Ни сомнений. Только воля Ордена. Хочешь убедиться?

Не дожидаясь ответа, Хасан хлопнул в ладоши.

Глухая дверь стукнула в глубине зала. Вошли двое учеников, ведя между собой мужчину. Его ноги волочились по камням.

Около сорока. Бедуин. Простой, но добротный кафтан, заляпанный пылью. Поношенные сандалии. Волосы и борода, тронутые серебром ранней седины, спутаны. Он не походил на разбойника. Скорее – на перекупщика верблюдов или владельца товарной лавки. Человек привыкший к торгу, улыбкам, чаепитиям под тенью финиковых пальм.

Глаза его метались между собравшимися, пытаясь найти среди них хоть одно милосердное лицо. Напрасно.

Хасан не удостоил его даже взглядом.

– Сей червь приговорен к смерти, – произнес он отстраненно – Мальчик мой, приведи приговор в исполнение.

К юноше бесшумно подошел наставник Зариф. В руках – широкий пояс из черной, грубо выделанной кожи. По окружности – восемь гнезд. В каждом – метательный нож. Лезвия отполированы до зеркального блеска, острия – игольчатые, смертоносные.

– Он станет твоим, – глухо сказал Зариф, протягивая пояс, – — когда исполнишь приказ.

Юноша молча взял ближайший нож. Сталь была холодной и удивительно легкой в ладони.

В этот момент бедуин вздрогнул, будто от удара током.

– Приговорен к смерти?! – захрипел он, голос сорвался в визгливый фальцет. – Господин! Я... я торгую финиками! Иногда... бывает гниль! Я заплачу! По шарияту...

– Не лги! – Голос Хасана ударил, как плеть. Ледяной. Окончательный.

– Буря! Песчаная буря задержала караван! – завопил бедуин, падая на колени, его пальцы впились в каменный пол. – Я не виновен! Я заплачу штраф, как положено по закону...

Хасан едва заметно наклонился вперед. Тень от его капюшона съежила фигуру купца до размеров жалкого насекомого.

– Здесь, – прошипел он, и каждый слог обжигал морозом, – ЗАКОН – ЭТО Я!

Что-то в этом голосе, в этой абсолютной уверенности, заставило кровь застыть в жилах у всех присутствующих.

Хасан повернулся к юноше.

– Исполни.

– В сердце или в горло? – уточнил юноша, словно спрашивал о сорте чая.

– В горло.

Бедуин замер. Сознание ударило в голову, как молот: это не шутка, не проверка. Сейчас он умрет. Глаза округлились, наполнились чистым, нечеловеческим ужасом.

– Нет... Подожди... Ради Аллаха... У меня жена... дети... Я...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.